

[Битва на Пляя-Хирон \(Часть первая\)](#)

Более чем за год до 16 апреля 1961 года, после тщательного анализа и обмена мнениями, президент Дуайт Эйзенхауэр решил уничтожить Кубинскую революцию.

Главным орудием мрачного плана была экономическая блокада Кубы, которую в политической литературе империи называют бесцветным и почти что милосердным термином «эмбарго».

В секретном меморандуме тогдашнего помощника заместителя государственного секретаря Лестера Мэллори перечислены конкретные задачи мрачного плана: «Большинство кубинцев поддерживает Кастро, - говорится в документе. - ...Не существует эффективной политической оппозиции... Единственное возможное средство, чтобы лишить [правительство] внутренней поддержки, - это вызвать разочарование и уныние посредством экономической неудовлетворенности и нужды... Надо быстро применить все существующие средства, чтобы ослабить экономическую жизнь... отказывая Кубе в деньгах и поставках с целью снижения номинальной и реальной заработной платы, с тем чтобы вызвать голод, отчаяние и свержение правительства».

Совокупность мер, которые предстояло применить, называлась «Программа тайных действий против режима Кастро».

Любой наблюдатель, согласен он или не согласен со столь отвратительными методами, поскольку они лишены элементарной этики, признал бы, что это подразумевает намерение сломить народ. В этом случае речь шла о конфронтации между самой могущественной и богатой державой планеты и маленькой страной иного происхождения, культуры и истории.

Эйзенхауэр не был прирожденным преступником. Он казался - и быть может и был - человеком образованным и добропорядочным согласно параметрам общества, в котором он жил. Он родился в скромной семье земледельцев в Денисоне, Техас, в 1890 году. Получив религиозное воспитание и ведя дисциплинированную жизнь, он в 1911 году поступил в Военную академию Уэст-Пойнт и окончил ее в 1915 году. Он не участвует в Первой мировой войне, и ему поручают только административные задания.

Впервые он начинает командовать войсками в 1941 году, когда Соединенные Штаты еще не участвовали во Второй мировой войне. Он уже был генералом с пятью звездами, но не имел боевого опыта, когда Джордж Маршалл назначает его командующим войсками, которые высаживаются в Северной Африке.

Рузвельт в качестве президента страны, обладающей самым большим богатством и военными средствами, берет на себя назначение командующего союзными войсками, которые должны были высадиться в Европе в июне 1944 года, за четырнадцать месяцев до конца войны; на эту должность он назначил генерала Эйзенхауэра, так как Маршалл - военачальник, пользовавшийся наибольшим авторитетом, - занимал пост начальника штаба армии.

Эйзенхауэр не был блестящим военным, он совершил значительные ошибки в Северной Африке и во время самой высадки в Нормандии, где у него были серьезные соперники среди его союзников, такие как Монтгомери, и такие противники как Роммель, но это был серьезный и методичный профессионал.

Завершив эту обязательную справку, касающуюся генерала с пятью звездами Дуайта

Эйзенхауэра, президента Соединенных Штатов с января 1953 до января 1961 года, я перехожу к вопросу: как возможно серьезному человеку, осмелившемуся разоблачить зловещую роль военно-промышленного комплекса, дойти до того, чтобы занять столь преступную и лицемерную позицию, как та, что привела правительство Соединенных Штатов к нападению на независимость и справедливость, к которым стремился наш народ на протяжении почти целого века?

То была капиталистическая система, преобладание привилегий богачей внутри страны и за ее пределами во вред самым элементарным правам народов. Могущественную державу никогда не тревожил голод, невежество, отсутствие работы, земли, образования, здравоохранения и самых элементарных прав у бедняков нашей страны.

В жестокой попытке подчинить наш народ правительство Соединенных Штатов бросило бы солдат своей страны на борьбу, в которой оно не смогло бы победить.

В вопросах исторического характера существует много факторов, которые трудно учесть, и немало зависит от случая. Я исхожу из имеющейся у меня информации и из опыта, пережитого в те дни, когда родилась фраза о том, что Пляя-Хирон был «первым поражением империализма в Америке». Из этого опыта я извлек много выводов. Быть может, они заинтересуют и других.

У нас в нашей стране не было национальной армии. По окончании того, что кубинские историки называют Третьей войной за независимость – в которой испанская колониальная армия, разбитая и истощенная, едва могла сохранять контроль над крупными городами, - разоренная метрополия, находившаяся на расстоянии тысяч морских миль, не могла содержать силы, почти равные силам Соединенных Штатов во Вьетнаме в конце геноцидной войны, которую они вели в этой бывшей французской колонии.

Именно в тот момент Соединенные Штаты решают вторгнуться в нашу страну. Они обманывают собственный народ, народ Кубы и мир совместным заявлением, в котором признается, что Куба фактически и по праву должна быть свободной и независимой. Они подписывают в Париже соглашение с колониальным и мстительным правительством разбитой Испании и подкупами и обманом разоружают Освободительную армию. Позже нашей стране навязывают Поправку Платта, заставляют передать порты для использования их военно-морскими силами и предоставляют ей предположительную независимость, обусловленную конституционным положением, предоставлявшим правительству Соединенных Штатов право вторгаться на Кубу.

Наш отважный народ боролся в одиночку, как любой на этом полушарии, за свою независимость против страны, которая, как сказал Симон Боливар, была призвана потопить в бедствиях народы Америки во имя свободы.

На Кубе была армия, обученная, вооруженная и поддерживаемая Соединенными Штатами. Я не скажу, что наше поколение обладает большими заслугами, чем какое-либо из тех, что нам предшествовали, чьи лидеры и бойцы показали себя непревзойденными в своих героических сражениях. Привилегией нашего поколения стала возможность доказать, более по воле случая, чем в силу заслуг, идею Марти, что «справедливый принцип, проповедуемый из глубины пещеры, сильнее, чем армия».

Исходя из справедливых идей и победив в горьких испытаниях, начав всего лишь с семи винтовок, мы не колеблясь продолжили борьбу в горах Сьерра-Маэстра, после того как наш отряд из 82 человек из-за отсутствия опыта и в силу других неблагоприятных факторов подвергся внезапной атаке, прежде чем достиг отрогов гор. Всего за 25 месяцев наш героический народ разбил эту армию, оснащенную оружием, имеющую боевой опыт, связь, учебные центры и советников, какой Соединенные Штаты сохраняли более полувека полное господство над нашей страной и Нашей Америкой.

Применяя правильные методы борьбы, принципы уважения к населению и военную политику по отношению к противнику – оказывая помощь раненым и без единого исключения в ходе всей войны уважая жизнь пленных, - мы нанесли сокрушительное поражение военному аппарату, созданному американцами, и в конце концов захватили у него сто тысяч единиц оружия и военной техники, которыми они владели и которые они применяли против нашего народа.

Но также было необходимо разбить в идеологической сфере огромный существовавший у них арсенал и почти полную монополию на средства информации, при помощи которых они наводняли страну подслащенной ложью. Трудящиеся без работы, крестьяне без земли, эксплуатируемые рабочие, неграмотные граждане, больные без больниц, дети без книг и без школ, нескончаемый список граждан, чье достоинство было ранено и чьи права были ущемлены, значили несравнимо больше, чем богатое, привилегированное меньшинство, стоявшее на стороне империи.

Образование, наука, культура и искусство, спорт, профессии, подразумевающие развитие человека, не пользовались поддержкой в нашей стране, ограниченной монокультурой сахарного тростника и другой экономической деятельностью, подчиненной банкам и американским транснациональным предприятиям, которыми могущественный северный сосед навязывает свою «демократию» и свои «права человека».

Я должен отметить, что такой спектакль как выступление «Кольмениты» - несколько дней назад показанный в театре «Карл Маркс», - созданный сыном одного из тех, кто был убит террористами правительства Соединенных Штатов в самолете, вылетевшем с Барбадоса 6 октября 1976 года, не имеет равных в мире. Как впечатляющий концерт пионеров, так и съезд, закрытие которого прошло в тот день, никогда не были бы возможны без образования, которое Революция дала детям, подросткам и молодым людям нашей Родины.

16 апреля 1961 года, когда был провозглашен социалистический характер Революции, прошло два года и три месяца с победы Первого января 1959 года. Наша маленькая и победоносная Повстанческая армия в своей борьбе за освобождение располагала только оружием, отнятым у тирании, которое в своем огромном большинстве было поставлено Соединенными Штатами. Было необходимо вооружить народ.

Чтобы не давать предлогов, которые могли бы стать основанием для агрессии Соединенных Штатов, как они сделали это в Гватемале, мы попытались купить, заплатив наличными, винтовки и другое оружие в европейских государствах, которые традиционно экспортировали его во многие страны.

Мы приобрели несколько десятков тысяч полуавтоматических винтовок ФАЛ калибра 7,62 с обоймами на 20 патронов и соответствующие боеприпасы, в том числе противопехотные и противотанковые гранаты, которые перевозились на обычных торговых судах, так же, как делает любая страна.

Но что случилось с этими наивными закупками «некоммунистического» оружия, которое по своему качеству казалось нам великолепным?

Первое судно прибыло на Кубу нормально, и на нем – десятки тысяч винтовок ФАЛ.

Не было ничего незаконного, не существовало предлогов для антикубинских кампаний.

Однако такая ситуация продлилась недолго. Второе судно прибыло к важному причалу столицы, портовые рабочие и бойцы Повстанческой армии начали разгружать ящики, тогда не было контейнеров. Я был на четвертом или на пятом этаже здания Института аграрной реформы,

где сегодня находится Министерство Революционных вооруженных сил, возле Площади Революции; там был мой рабочий кабинет, если я не выезжал в какое-либо место города или страны. Старый Правительственный дворец был превращен в музей, а новый был еще не закончен. Это случилось 4 марта 1960 года. Сильный взрыв сотряс здание; я инстинктивно посмотрел в сторону порта, где, как я знал, разгружали французское торговое судно «Ля Кубр»: оттуда поднимался густой столб дыма, почти вертикально. Я сразу же понял, что произошло.

Я представил себе число жертв, быстро спустился, и с небольшой охраной мы сели в машины, двигаясь в сторону порта по узким улочкам с плотным движением. Я был уже очень близко, когда в том же месте раздался второй взрыв. Можно понять, какую тревогу вызвал у нас этот второй взрыв. Я представил себе, как пострадали рабочие и солдаты, которые наверняка помогали жертвам первого взрыва. С трудом я сумел подъехать к причалу и видел драматическое и героическое поведение этих людей.

Погибло около 100 человек, было много раненых, которым требовалась срочная помощь.

На следующий день мы пронесли убитых от университета по широкой 23-й улице до самого кладбища, где один год, один месяц и 11 дней спустя мы будем революционно хоронить жертв бомбардировки, совершенной американскими самолетами с кубинскими опознавательными знаками.

5 марта в первый раз и совершенно спонтанно, во время похорон подло убитых рабочих и бойцов, я воскликнул «Родина или смерть!». То не было фразой, то было глубоким убеждением.

Предстояло провести много расследований, но в тот момент у меня не было сомнений, что речь шла о преднамеренном массовом убийстве. Диверсия на торговом судне была устроена еще в европейском порту, откуда оно вышло, и она была делом экспертов.

Я уделил должное внимание требуемым расследованиям. Мне нужно было знать, могли ли гранаты, находившиеся в ящиках, где произошел взрыв, взорваться случайно, если например какая-нибудь упадет или что-то в этом роде. Чтобы отвергнуть такую возможность – которую уже исключили специалисты после изучения механизмов безопасности гранат, – я попросил, чтобы некоторые ящики с гранатами, прибывшие на судне, сбросили с высоты тысячи метров; я следил за испытаниями, и ни одна граната не взорвалась. Были изучены все перемещения судна, и стало очевидно, что эту диверсию совершили руки экспертов – то была часть плана, утвержденного администрацией Соединенных Штатов.

Мы получили урок того, чего можно было ждать от империализма. Не колеблясь, мы обратились к Советскому Союзу, чьи принципы не противоречили нашим.

Нам были выделены соответствующие кредиты на покупку этого оружия. С тех пор как Советский Союз и другие социалистические страны, такие как Чехословацкая Социалистическая Республика, Китайская Народная Республика и Корея Народная Демократическая Республика, начали поставлять нам оружие до сегодняшнего дня более тысячи судов привозили на Кубу вооружение и боеприпасы, и не было ни единого взрыва.

Наши собственные суда перевозили в течение десятков лет большую часть оружия для кубинских интернационалистических сил, и ни одно не взорвалось.

Речь, которую я произнес 16 апреля 1961 года на проводах жертв предательской бомбардировки на рассвете предыдущего дня, адресовалась товарищам Повстанческой армии, Революционной национальной милиции и народу Кубы. Воспроизвожу текстуально абзацы и идеи, без которых было бы невозможно понять важность и пыл битвы, данной позже:

«Во второй раз мы собираемся на том же углу. В первый раз то было после взрыва “Ля Кубр”,

стоившего жизни почти сотне рабочих и солдат.»

«С установления Революционного правительства первым стремлением врагов Революции было помешать нашему народу вооружиться.»

«...После провала первых шагов дипломатического типа они прибегли к диверсии... чтобы не дать этому оружию дойти до нас ...»

«Тот зверский удар стоил жизни множеству рабочих и солдат... мы имели право думать, что виноваты в диверсии были те, кто не хотел, чтобы мы получили это оружие...»

«...У всех нас, у нашего народа осталась глубокая убежденность в том, что рука, подготовившая тот варварский преступный акт, была рукой секретных агентов правительства Соединенных Штатов.»

«...Многим в нашей стране и даже за рубежом трудно было поверить, что правительство Соединенных Штатов было бы способно дойти до такого; трудно было поверить, что руководители страны были бы способны осуществить подобное действие... мы еще не могли приобрести жестокий опыт, который постепенно приобретали на протяжении этих двух с половиной лет; мы еще не знали хорошенько наших врагов... мы еще не знали, что такое Центральное разведывательное управление правительства Соединенных Штатов; мы еще не имели возможности день за днем удостоверяться в их преступной деятельности против нашего народа и нашей Революции.»

«...Наша страна уже испытала ряд налетов самолетов-пиратов, которые в один день сбрасывали листовки, в другой сжигали наш тростник, а затем пытались сбросить бомбу на один из наших сахарных заводов.»

«...Из-за взрыва бомбы, которую они собирались сбросить, взорвался самолет-пират с его экипажем... в том случае правительство Соединенных Штатов не могло отрицать, как оно это делало, что эти самолеты вылетели с их берегов; ...ввиду нетронутой захваченной документации... нельзя было отрицать действительность, ... они решили попросить у нас прощения и дать нам объяснение.»

«Однако полеты не прекратились... и в одном случае при одном из таких налетов на нашу страну было большое число жертв. Однако ни один из этих фактов не носил характера военной атаки...»

«Никогда не проводилось операции, обладавшие всеми чертами операции чисто военного характера.»

«...Несколько недель назад пиратское судно проникло в порт Сантьяго-де-Куба, обстреляло находящийся там нефтеперерабатывающий завод, и одновременно его выстрелы поразили нескольких солдат и моряков, размещенных у входа в бухту.»

«...Подобная операция, с судами такого характера, не могла быть осуществлена, если бы эти суда не были предоставлены американцами и оснащены американцами в каком-нибудь месте Карибского региона.»

«...Этот континент хорошо знает, что такое высадки иностранных войск. Это знали в Мексике... в Никарагуа... в Гаити... в Санто-Доминго... и все эти народы имели возможность узнать, что такое интервенции морских пехотинцев Соединенных Штатов.»

«...Чего ни один народ этого континента не имел случая узнать – это систематических действий со стороны спецслужб правительства Соединенных Штатов... чего ни одному народу этого континента не довелось узнать – это борьбы против Центрального разведывательного

управления... стремящегося любой ценой, выполняя указания своего правительства... систематически уничтожать плоды работы какого-либо народа, систематически уничтожать экономические ресурсы, торговые заведения, промышленные предприятия, и что хуже всего – драгоценные жизни рабочих, крестьян и трудолюбивых и честных граждан этой страны.»

«Но при всем этом ни один из прежних фактов не приобретал, как вчерашний случай, характера типично военной агрессии. Речь не шла о полете самолета-пирата, речь не шла о вторжении пиратского судна: речь шла не более и не менее как об одновременных атаках на три разных города страны, в один и тот же час, на рассвете; речь шла об операции по всем правилам военных операций.»

Три одновременные атаки на рассвете, в один и тот же час, в городе Гавана, в Сан-Антонио-де-лос-Баньос и в Сантьяго-де-Куба... проведенные самолетами-бомбардировщиками типа В-26, сбросившими бомбы большой разрешительной силы, выпустившими ракеты и обстрелявшими из пулеметов три разных точки национальной территории. Речь шла об операции со всеми характеристиками и по всем правилам военной операции.

Кроме того, то была внезапная атака; то была атака, подобная тем, какие обычно совершали вандалские правительства нацистов и фашистов, нападая на другие страны... Вооруженные нападения на народы Европы, совершавшиеся гитлеровскими ордами, всегда были нападениями такого рода: без предупреждения, без объявления войны, нападение вероломное, нападение предательское, нападение внезапное. И так внезапно происходили вторжения в Польшу, Бельгию, Норвегию, Францию, Голландию, Данию, Югославию и другие страны Европы.»

Я напомнил им, что сделали японские милитаристы с американской базой Пирл-Харбор в декабре 1941 года:

«...Мы на собираемся этим делать сравнения, – сказал я, – потому что когда японцы воевали с американцами, то была битва между двумя империалистическими странами, битва между двумя капиталистическими странами, битва между двумя эксплуататорскими правительствами, битва между двумя колониалистическими правительствами, битва между двумя правительствами, которые пытались завладеть рынками, сырьем и экономикой значительной части мира.»

«Мы отличаемся от Соединенных Штатов тем, что Соединенные Штаты – это страна, эксплуатирующая другие народы, Соединенные Штаты – это страна, завладевшая большой частью природных ресурсов мира и заставляющая работать на благо своей касты миллионеров десятки и десятки миллионов трудящихся во всем мире.»

«Мы, с нашей Революцией, искореняем не только эксплуатацию одной страны другой, но также эксплуатацию одних людей другими!»

«Сегодня Соединенные Штаты политически представляют собой систему эксплуатации других стран одной страной и систему эксплуатации человека другими людьми.»

Поэтому битва между Японией и Соединенными Штатами была битвой между подобными системами; битва между Соединенными Штатами и Кубой – это битва разных принципов, то есть это битва между теми, кто лишен всяких человеческих принципов, и теми, кто, как мы, защищаем человеческие принципы.»

«Однако как эти факты помогают понять! Как эти факты помогают учить нас реальностям мира! Как эти факты помогают воспитывать наш народ! Уроки обходятся дорого, они болезненны, они кровавы, но как учатся народы на этих фактах! Как учится наш народ! Как воспитывается и как растет наш народ!»

«...Недаром мы сейчас являемся одним из тех народов, которые за короткое время лучше других постигли историю мира.»

«Как трудно было знать, что происходит в мире, когда в нашу страну не поступало других сообщений, кроме американских! Сколько лжи внушали нам и жертвами скольких измышлений нас делали! Если у кого-то оставались какие-то сомнения, если кто-то из порядочных людей в этой стране – я не говорю о “гусанос”-контрреволюционерах, я говорю о мужчинах и женщинах, способных думать честно, хотя бы они и не думали, как мы, – если у кого-то оставались какие-то сомнения, если кто-то верил, что в политике американцев еще осталась хоть чуточка честности, хоть чуточка морали, хоть атом совести, или чести, или справедливости в американской политике...»

«Если кто-то в этой стране, кто имел привилегию видеть, как весь народ превращается в народ героев и в народ достойных и отважных людей; если кто-то в этой стране, чья масса заслуг, героизма и самопожертвования растет день ото дня, имел еще какие-нибудь сомнения; если те, кто не думает, как мы, верят, что они поднимают или защищают честное знамя, верят, что они поднимают или защищают справедливое знамя, и, веря в это, остаются проамериканцами и защитниками правительства Соединенных Штатов; если в нашей стране еще остался какой-нибудь порядочный человек из тех, кто думает так, пусть эти факты послужат им... для того, чтобы у них уже не оставалось никаких сомнений.»

Вчера, как все знают, самолеты-бомбардировщики, разделенные на три группы, ровно в 6.00 утра проникли из-за рубежа на национальную территорию и атаковали три пункта национальной территории; в каждом из этих пунктов люди героически защищались, в каждом из этих пунктов была пролита доблестная кровь защитников, в каждом из этих пунктов были тысячи, а если нет, то сотни и сотни свидетелей того, что там произошло. Кроме того, это было то, чего ждали; это было то, чего ждали каждый день; это было логической кульминацией поджогов плантаций, сотен нарушений нашего воздушного пространства, пиратских налетов, пиратских нападений на наши нефтеочистительные заводы с судна, проникшего на рассвете; это было следствием того, что знают все; это было следствием планов агрессии, которые строят Соединенные Штаты в сообщничестве с лакейскими правительствами Центральной Америки; это было следствием существования военно-воздушных баз, о которых знает весь народ и весь мир, потому что об этом печаталось даже самими американскими газетами и информационными агентствами, и самим информационным агентствам и газетам надоело писать об организуемых армиях наемников, о подготовленных аэродромах, о самолетах, переданных им правительством Соединенных Штатов, об американских инструкторах, о военно-воздушных базах, устроенных на территории Гватемалы.»

«Вы думаете, что мир узнал бы о нападении на Кубу, вы думаете, что мир узнал бы о случившемся, вы думаете или полагаете, что было бы возможно заглушить в мире эхо преступных бомб и ракет, вчера выпущенных на нашей родине? Что это пришло в голову кому-нибудь в мире? Что кто-то мог бы попытаться обмануть весь мир, попытаться скрыть правду от всего мира, попытаться обмануть весь мир? Так вот, вчера они не только напали на нашу землю, совершив подготовленную вероломную и преступную атаку, о которой знали все, и с американскими самолетами, с американскими бомбами, с американским оружием, и силами наемников, которым платит американское Центральное разведывательное управление; они сделали не только это и не только уничтожили национальное имущество, не только оборвали жизнь молодых людей, многим из которых еще не исполнилось и двадцати лет, но и кроме того, кроме того, правительство Соединенных Штатов попыталось вчера обмануть мир... самым циничным и бессовестным образом, какой только можно было задумать.»

«...То, что сказали миру, и во что, быть может, заставили поверить десятки и десятки миллионов человек, что опубликовали вчера тысячи и тысячи газет, что было сообщено вчера тысячами и тысячами радиостанций и телеканалов, о том, что произошло на Кубе, о том, что узнал мир или большая часть мира, значительная часть мира из сообщений американских

агентств.»

«"Майами, 15 апреля, ЮПИ. Кубинские пилоты, сбежавшие из военно-воздушных сил Фиделя Кастро, приземлились сегодня во Флориде на бомбардировщиках времен Второй мировой войны после того, как взорвали кубинские военные сооружения, чтобы отомстить за предательство одного труса в их рядах. Один из бомбардировщиков В-26 кубинских военно-воздушных сил приземлился в международном аэропорту Майами с пробоинами, причиненными огнем зенитной артиллерии и пулеметов, только на одном из его двух моторов. Другой сел на военно-воздушной базе военно-морских сил в Ки-Уэст; третий сел в другой иностранной стране... По неподтвержденным слухам еще один самолет разбился и упал в море вблизи от острова Тортуга. Во всяком случае, военно-морские силы Соединенных Штатов расследуют этот случай. Пилоты, попросившие не называть их имен, вышли из своих самолетов одетые в свою летную форму и немедленно попросили убежища в Соединенных Штатах".»

«..."Директор Иммиграционной службы Майами Эдвард Аренс заявил, что их просьба рассматривается. Летчик с усами, приземлившийся в Майами, заявил сотрудникам иммиграции, что он и трое других пилотов кубинских военно-воздушных сил уже несколько месяцев планировали сбежать с Кубы Кастро. Он добавил, что по причине предательства Гало он и двое остальных решили дать ему урок, сбросив бомбы и обстреляв из пулемета сооружения военно-воздушных баз на своем пути к свободе. Он сказал, что он нанес удар по собственной базе в Сан-Антонио-де-лос-Баньос, а другие пилоты атаковали другие базы. Этот пилот выявил готовность беседовать с журналистами, но наклонил голову и надел солнечные очки, когда фотографы попытались его сфотографировать.

Он объяснил – только послушайте, какая огромная ложь и какой абсурд, - что он и другие пилоты оставили семьи на Кубе и опасаются преследований Кастро в отношении их родственников". То есть они утверждают, что украли самолеты, что дезертировали и что не называют своих имен, чтобы не узнали, как зовут тех, кто украл самолеты и кто дезертировал. И как они говорят, они были пилотами военно-воздушных сил.»

«Сообщения АП:

"Майами, 15. АП – это то, что они сказали миру, - Майами, 15. АП. Трое кубинских пилотов бомбардировщиков, опасаясь, что их предадут и выдадут планы сбежать от правительства Фиделя Кастро, убежали сегодня в Соединенные Штаты, после того как обстреляли из пулемета и сбросили бомбы на аэропорты Сантьяго и Гаваны.

Один из двух двухмоторных бомбардировщиков времен Второй мировой войны приземлился в международном аэропорту Майами, пилотируемый лейтенантом. Тот рассказал, как он и трое других из 12 пилотов самолетов В-26, оставшихся в кубинских военно-воздушных силах, уже несколько месяцев планировали сбежать с Кубы.

Другой самолет с двумя летчиками на борту приземлился на военно-воздушной и морской базе в Ки-Уэст. Имена пилотов хранятся в тайне. Иммиграционные власти поместили кубинцев под охрану и конфисковали самолеты".»

«...Видите, до какой степени цинизма они дошли... до какой степени бессовестны должностные лица и руководители империализма;... они изобретают вплоть до деталей лживую легенду, в которую не поверит даже кошка, даже "кошечка Марии Рамос". Пилот говорит – только смотрите, какую историю передают прессе, чтобы разукрасить сообщение деталями, чтобы фокус был полным, со всеми деталями, смотрите, какую историю они изобретают:

"Я один из 12 пилотов самолетов В-26, оставшийся в военно-воздушных силах Кастро после дезертирства Диаса Ланса – бывшего командира кубинских военно-воздушных сил – и последующих чисток. Трое из моих товарищей-пилотов и я в течение месяцев планировали,

каким образом сбежать с Кубы Кастро. Позавчера я узнал, что один из троих, лейтенант Альваро Гало – даже имя, они берут имя одного из летчиков РВВС, приводят имя; до какой крайности цинизма и бесстыдства они дошли! – позавчера я узнал, что один из трех, лейтенант Альваро Гало, пилотирующий самолет В-26, номер РВВС-915 – этот пилот как раз находится в Сантьяго, по случайности он дислоцируется в Сантьяго, – беседовал с агентом Рамиро Вальдеса, главы Г-2. Я предупредил двух остальных, и тогда мы решили, что возможно Альваро Гало, кто всегда вел себя вроде как трус, предал нас. Тогда мы решили немедленно перейти к действию. Вчера утром меня назначили в обычный патруль, чтобы, вылетев с моей базы, Сан-Антонио-де-лос-Баньос, я облетел часть Пинар-дель-Рио и вокруг острова Пинос. Я предупредил моих друзей в Кампо-Либертад, и они согласились, что мы должны действовать. Один из них должен был лететь на Сантьяго; другой заявил в качестве предлога, что хочет проверить свой альтиметр; они должны были вылететь из Кампо-Либертад в 6.00 – в Кампо-Либертад не было ни одного самолета В-26, там были самолеты с дефектами; – я поднялся в воздух в 6.05; из-за предательства Альваро Гало мы договорились проучить его, так что я полетел обратно в Сан-Антонио, где стоял его самолет, и дважды пролетел над его самолетом, обстреляв его из пулемета и обстреляв еще три, стоявшие поблизости. Когда я удалялся, меня задело огнем из ручного оружия, и я совершил маневр, чтобы его избежать. Мои товарищи уже вылетели раньше, чтобы атаковать аэродромы, которые, как мы договорились, они будут атаковать. Затем, из-за того, что у меня было мало топлива, мне пришлось сесть в Майами, поскольку я не мог долететь до места, о котором мы договаривались. Может быть, они полетели, чтобы перед отходом обстрелять другие аэродромы, такие как на пляже Баракоа, где Фидель держит свой вертолет”.

То есть это то, что было сказано миру. Не только ЮПИ и АП сообщают миру, что “кубинские самолеты”, “что они сбежали со своими самолетами и сбросили бомбы”, но и кроме того распространяют по миру этот рассказик, и что вы думаете, что десятки миллионов человек прочли и слышали вчера в мире, опубликованное тысячами и тысячами разных газет, сказанное по радио и телевидению? Что вы думаете, что было сказано в Европе, во многих местах Латинской Америки, во многих частях света?

Не только они утверждали подобное, но и состряпали целый рассказ, с деталями и именами, о том, как все было задумано. До такого никогда не дошли и в Голливуде.»

«“Мехико, 15. АП. Бомбардировка кубинских баз кубинскими самолетами-дезертирами была встречена здесь большей частью газет с удовольствием, газеты примкнули к группам кубинцев-эмигрантов, чтобы сказать, что бомбардировка – это начало движения за освобождение от коммунизма. Правительство хранило молчание, в то время как группы левых студентов и коммунистов поддерживали заявление кубинского посла Хосе Антонио Портуондо о том, что воздушные атаки были трусливыми и отчаянными атаками империалистов. Среди кубинцев-эмигрантов наблюдалось большое оживление. Один кубинский источник прокомментировал, что новое кубинское правительство в изгнании переедет на Кубу вскоре за первой волной вторжения против кубинского режима Фиделя Кастро, чтобы создать временное правительство, которое, как ожидается, будет быстро признано многими латиноамериканскими антикастроистскими странами”.»

«Оба агентства публикуют следующее сообщение:

“Заявление, сделанное доктором Миро Кардоной – это телеграммы АП и ЮПИ: – героический удар во имя кубинской свободы был сделан сегодня утром определенным числом офицеров кубинских военно-воздушных сил. Перед тем, как улететь на своих самолетах к свободе, эти подлинны революционеры попытались уничтожить как можно большее число военных самолетов Кастро. Революционный совет с гордостью объявляет, что их планы были осуществлены успешно и что совет установил с ними контакт и поддержал этих отважных пилотов. Их акция – еще один пример отчаянного опасения, что патриоты всех социальных слоев могут оказаться под пятой безжалостной тирании Кастро. В то время как Кастро и его сторонники пытаются убедить мир – только послушайте, – в то время как Кастро и его

сторонники пытаются убедить мир, что Кубе грозит вторжение из-за рубежа, этот удар во имя свободы, как и предыдущие, был нанесен кубинцами, живущими на Кубе, которые решили бороться против тирании и угнетения или погибнуть при этой попытке. По причинам безопасности больше подробностей не сообщается”.

Миро Кардона был именно главой временного правительства, которого Соединенные Штаты держали наготове возле самолета с уложенными чемоданами, чтобы он приземлился на Пляя-Хирон, как только плацдарм будет обеспечен.»

«...Здесь история не кончается; теперь мы окончательно разоблачим этого комедианта, которого империализм держит там в ООН и кто выдавал себя за просвещенного человека, либерала, левых взглядов, и так далее, и тому подобное, господина Эдлая Стивенсона... Мошенничество продолжается, то есть продолжают обманывать мир: уже ЮПИ, АП распространили рассказик, тысячи газет и они сами публикуют его, главные газеты с удовольствием подхватили сообщение о дезертирстве этих пилотов.

Нагромождения лжи было еще недостаточно.»

«”Американский посол Эдлай Стивенсон отверг утверждения Роа и повторил заявление президента Джона Кеннеди о том, что ни при каких обстоятельствах, - повторяю, - ни при каких обстоятельствах не произойдет интервенции вооруженных сил Соединенных Штатов на Кубу. Стивенсон показал комиссии фотографии United Press International, где представлены два самолета, приземлившиеся сегодня во Флориде после участия в налете на три кубинских города”.»

«”У него на хвосте нанесены опознавательные знаки военно-воздушных сил Кастро, - сказал он, показывая один снимок, - на нем видна звезда и кубинские обозначения, они ясно видны. Я с удовольствием покажу эту фотографию”. Стивенсон добавил, что оба эти самолета пилотировались офицерами кубинских военно-воздушных сил и на них летели люди, дезертировавшие от режима Кастро. Никто из персонала Соединенных Штатов не участвовал в сегодняшнем инциденте, и самолеты не были самолетами Соединенных Штатов, - подчеркнул он, - то были самолеты самого Кастро, поднявшиеся с его собственных аэродромов.

Кубинский министр сказал, что “налеты, совершенные сегодня утром, несомненно являются прологом к попытке вторжения в крупном масштабе, организованной, оснащенной и финансируемой Вашингтоном. Правительство Кубы, - сказал Роа, - торжественно обвиняет правительство Соединенных Штатов в этой комиссии и перед мировым общественным мнением в том, что оно попыталось применить силу, чтобы уладить свои разногласия с государствами-членами”.»

«Здесь у нас имеется возможность, какую мало когда имел какой-нибудь народ, узнать изнутри, и снаружи, и сбоку, и снизу, и сверху, что такое империализм... как действует весь его финансовый, пропагандистский, политический, наемный аппарат, секретные службы, должностные лица, которые с таким спокойствием, в такой неслыханной форме обманывают мир.»

«То есть они организуют атаку, готовят атаку, обучают наемников, дают им самолеты, дают им бомбы, готовят аэропорты, это знает весь мир, атака происходит, и они утверждают совершенно спокойно перед этим миром – миром, который, как они знают, будет бурно возмущаться столь чудовищным, столь трусливым нарушением... прав народов и мира!

И эти жалкие империалисты, после того как одели в траур более полудюжины семей, после того как убили горстку молодых людей, которые не были миллионерами, потому что те, кого мы пришли хоронить, - не паразиты-миллионеры, не наемники, продавшиеся за золото какого-либо иностранца, это не воры, это любимые дети нашего народа! - молодые рабочие,

дети скромных семей, которые никого не обкрадывают, которые никого не эксплуатируют, которые живут не ценой чужого пота или чужого труда и которые имеют право на жизнь больше, чем миллионеры, которые имеют право на жизнь больше, чем паразиты!... Потому что они не живут чужим трудом, как американские миллионеры, не живут на иностранное золото, как наемники, "гусано", продавшиеся империализму; не живут пороком, не живут воровством; они имеют право, чтобы их жизнь уважали, и ни один жалкий миллионер-империалист не имеет право посылать самолеты, бомбы, ракеты, чтобы отнимать жизнь у этих молодых и любимых родиной людей!»

«...Те, кто согласен с подобным преступлением, те, кто согласен с подобным варварством, те, кто гнусно продается и поддерживает действия этих преступников, те, кто устраивает заговоры против родины, на улице, в церквях, в школах, где угодно, заслуживают, чтобы Революция обращалась с ними так, как они заслуживают!»

«Империализм планирует преступление, организует преступление, вооружает преступников, обучает преступников, платит преступникам, преступники являются сюда и убивают семерых сыновей рабочих, затем спокойно приземляются в Соединенных Штатах, и даже хоть весь мир знает об их деяниях, они заявляют, что они кубинские пилоты, сочиняют хитрую и выдуманную историю, сеют ее по всему миру, публикуют во всех газетах, передают по радио и телевидению...»

«Есть ли еще какой-нибудь честный кубинец, который не понимает этого? какой-нибудь честный кубинец, который сомневается?.. Пусть они поедут туда и удостоверятся сами, есть ли хоть капля правды в том, что они сказали; пусть удостоверятся там, как реакционеры, империалисты и лицемерные священники обманывают и надувают мир, как обманывают и надувают народы, и как народам уже пора стряхнуть с себя эксплуатацию, обман и мошенничество империалистов и всех комедиантов в мире, чего бы ни стоило освободиться от этого ига!»

«...Я полагаю, что у господина президента Соединенных Штатов есть хоть атом стыда, и если у господина президента Соединенных Штатов есть хоть атом стыда, Революционное правительство Кубы бросает ему вызов перед всем миром... пусть предъявит в Организации Объединенных Наций пилотов и самолеты, которые, как он говорит, вылетели с национальной территории!»

«...Куба потребует в Организации Объединенных Наций, чтобы там были предъявлены самолеты и пилоты, которые говорят, что дезертировали из военно-воздушных сил...»

«...Почему их не предъявляют? Естественно, господин президент Соединенных Штатов имеет право, чтобы его не называли лжецом... Хочет ли господин президент Соединенных Штатов, чтобы никто не имел права назвать его лжецом? Пусть предъявит в Организации Объединенных Наций этих двух пилотов!..»

«... Если президент Соединенных Штатов не предъявит в Организации Объединенных Наций этих пилотов, чтобы доказать..., что эти пилоты были здесь и дезертировали отсюда, тогда не только кубинское Революционное правительство, но и весь мир будет иметь право назвать его лжецом!»

«...Империалистическому правительству Соединенных Штатов не останется ничего другого как признаться, что самолеты были их самолетами, что бомбы были их бомбами, что пули были их пулями, что наемники были организованы, обучены и оплачены им, что базы были в Гватемале и что они вылетели оттуда, чтобы атаковать нашу территорию, и что те, которые не были сбиты, улетели туда укрыться на берегах Соединенных Штатов, где им дали приют.»

«...Как может правительство Соединенных Штатов держаться за эту ложь?»

«...Мы живем не в эпоху дилижансов, мы живем в эпоху радио, и истины, утверждаемые одной страной, можно распространить очень далеко.»

«... Империалисты не могут простить нам, что мы здесь, они не могут простить нам достоинства, целостности, храбрости, идеологической твердости, духа самопожертвования и революционного духа народа Кубы.»

«...Они не могут простить нам... что мы совершили социалистическую Революцию...»

«И что эту социалистическую Революцию мы защищаем этими винтовками! И что эту социалистическую Революцию мы защищаем с той же отвагой, с какой вчера наши зенитчики изрешетили самолеты-агрессоры!»

«...Эту Революцию мы не защищаем силами наемников; эту Революцию мы защищаем силами мужчин и женщин народа.»

«...Разве оружие имеют наемники? Разве оружие имеют миллионеры? Потому что наемник и миллионер – одно и то же. Разве оружие имеют дети богачей? Разве оружие имеют надсмотрщики? У кого в руках оружие? Чьи руки поднимают это оружие? ...Это руки богачей? Это руки эксплуататоров? Чьи руки поднимают это оружие? Разве это не руки рабочих? Разве это не руки крестьян? Разве это не руки, загрубевшие в труде? Разве это не руки создателей? Разве это не руки простых людей из народа? И кто составляет большинство народа? Миллионеры или рабочие? Эксплуататоры или эксплуатируемые? Привилегированные или обездоленные?..»

«Товарищи рабочие и крестьяне, это социалистическая и демократическая Революция бедняков, совершенная с бедняками и для бедняков. И за эту Революцию бедняков, совершенную бедняками и для бедняков, мы готовы отдать жизнь.»

Рабочие и крестьяне, простые мужчины и женщины родины, клянетесь ли вы защищать до последней капли крови эту Революцию

бедняков, совершенную бедняками и для бедняков?

Товарищи рабочие и крестьяне родины, вчерашнее нападение было прелюдией агрессии наемников, вчерашняя атака, унесшая семь героических жизней, имела целью уничтожение наших самолетов на земле, но они потерпели провал, они уничтожили только три самолета, и большинство вражеских самолетов было подбито или сбито. Здесь, перед могилой павших товарищей; здесь, рядом с останками героических юношей, детей рабочих, детей простых семей, подтвердим же свою решимость в том, что, так же, как они подставили грудь под пули, так же, как они отдали свою жизнь, когда бы ни пришли наемники, все мы, гордясь нашей Революцией, гордясь тем, что защищаем эту революцию бедняков, совершенную бедняками и для бедняков, не колеблясь, против кого бы то ни было, будем защищать ее до последней капли крови.»

Финал этого выступления был несомненно пылким потоком революционных ответов и вопросов. В конце я провозгласил здравицы в честь рабочего класса, крестьян, бедняков, Социалистической революции, героев, павших за Родину, и закончил словами «Родина или смерть!», что стало обычным с тех пор, как мы хоронили погибших более года назад при взрыве на «Ля Кубр.»

Чего никто не знал, - так это того, что в то время как я говорил уже почти в темноте, незадолго до конца выступления, один товарищ из охраны приблизился ко мне и сообщил, что враг высаживается в окрестностях бухты Кабаньяс, к западу от Гаваны.

Высадка была совершенно логичной и ожидавшейся после атаки, совершенной с тем,

чтобы уничтожить наши небольшие воздушные силы на рассвете предыдущего дня. Тогда я сделал то, чего никогда не делал до конца выступления. После обычной фразы «Родина или смерть!» я продолжил коротко говорить. В сущности, я давал указания бойцам.

После заключительных аплодисментов я сказал текстуально следующее: «В бой... Товарищи, споем Национальный гимн». (Присутствующие поют Национальный гимн.)

«Товарищи, все части должны направиться к месту размещения их соответствующих батальонов ввиду упорядоченной мобилизации, чтобы держать страну в состоянии готовности по причине неизбежности агрессии наемников, вытекающей из всех событий последних недель и вчерашней трусливой атаки. Направимся в Дома милисиано, сформируем батальоны и будем готовы выступить против врага, под Национальный гимн, под строфы патриотического гимна, с призывом “в бой”, с убеждением, что “умереть за родину - значит жить” и что “жить в цепях - значит жить под бременем бесчестья и позора”.

Направимся в наши соответствующие батальоны, и там ждите приказов, товарищи.»

После акта я поехал в «Пункт один» - зашифрованное название штаба Вооруженных сил, - чтобы познакомиться с ситуацией.

Не произошло никакой высадки, то был обманный маневр, устроенный военно-морскими силами Соединенных Штатов. Была произведена оценка ситуации и даны инструкции.

Затем, около 12 часов ночи, я ушел к себе. Убежденный, что враг вот-вот начнет действовать, я решил несколько часов поспать.

Роксана Родригес, скончавшаяся несколько дней назад, супруга тогдашнего директора Плана развития Съенага-де-Сапата Абраама Масикеса, свидетельствовала, что она позвонила Селии, чтобы сообщить ей, что лейтенант Антело Фернандес - командир военной части, находившейся в Хагуэй-Гранде, - информировал ее о высадке на Пляя-Ларга, и в том месте слышалась сильная пулеметная и артиллерийская стрельба.

В записке, переданной Селией в «Пункт один», утверждается, что она связалась с сахарным заводом «Аустралия» и убедилась, что шло нападение на Пляя-Хирон и Пляя-Ларга.

В записи на Командном пункте указано время 03.29 17 апреля 1961 года.

Просматривая мои собственные слова, сказанные в телевизионной программе «Народный университет», то есть через три дня после победы, я увидел, что указал 03.15 как час, когда получил известие. Селия действительно не теряла ни минуты в любой ситуации.

С того момента совершились события, в которые трудно поверить. Я резюмирую их, и на этой основе можно исследовать подробную и объективную историю событий, которые смог бы восстановить кто-нибудь, имея время, здоровье и достаточную энергию.

Важна суть, которую никогда нельзя исказить. Детали имеют особую значимость для самых скрупулезных историков. В этом случае мой интерес связан с желанием, чтобы у нашей молодежи был доступ к событиям, происшедшим в те решающие годы, чтобы она знала о битве, в которой их предшественники рисковали своей жизнью за Революцию и за огромное культурное богатство, которым сегодня обладает наша молодежь, кому надлежит и далее его защищать.

«Родина - это человечество!»

Как я объяснил в программе «Народный университет, «...мне и остальным товарищам сообщают, что идет сражение на Пляя-Хирон и Пляя-Ларга, где высадился враг...».

«Мы приказали проверить это, подтвердить. В таких вещах всегда надо иметь уверенность, потому что затем поступают известия, что есть суда в таком-то пункте, есть суда в другом пункте... но факт тот, что это уже идет, совершенно точно, наверняка, и что есть первые раненые в боях, поступает сообщение, что силы агрессоров ведут сильный огонь из гранатометов, из безоткатных орудий, из пулеметов 50-го калибра и из орудий на судах. Они ведут наступление на Пляя-Хирон и Пляя-Ларга в Съенага-де-Сапата. Уже не было ни малейшего сомнения, что действительно в этом пункте идет высадка и что она идет при сильной поддержке тяжелых орудий.»

«Микроволновые аппараты на Пляя-Хирон и Пляя-Ларга сообщали о результатах атаки... до того момента, когда вследствие самой атаки они перестали действовать... и с трех-четырёх часов утра уже нет известий с Пляя-Ларга и Пляя-Хирон.»

«Полуостров Сапата обладает этими характеристиками: это участок земли на краю берега... земля скалистая и поросшая густыми зарослями... Но с севера этого участка земли лежит совершенно непроходимый участок болот.»

«Раньше тут не было никаких путей сообщения... единственным способом сообщения для крестьян этого района была узкоколейка.»

«В районе Съенага-де-Сапата в момент вторжения было двести учителей, обучавших население чтению и письму.»

«То был один из опытных участков кампании по ликвидации неграмотности. Все эти населенные пункты – Хагуэй-Гранде, Ковадонга, “Аустралия” - ...не имели доступа к морю, там были исключительно болота. Теперь у всех этих людей есть пляжи. Тысячи людей по воскресеньям отправляются на Пляя-Ларга и Пляя-Хирон, хотя пляжи еще не полностью обустроены.»

«...Триста крестьянских детей заболоченного района сейчас в Гаване, они изучают керамику, дубление кожи, механику, столярное дело.»

«Съенага-де-Сапата превратилась в одно из самых посещаемых и оживленных мест.»

В июле 1976 года я комментировал кинематографисту шведского телевидения Гаэтано Пагано:

«Они высадились в месте, где могли какое-то время продержаться, потому что это место было очень трудно отбить, поскольку идущие туда шоссейные дороги должны пересекать несколько километров непроходимых болот, это превращалось в некий проход Фермопилы.»

Берег Пляя-Ларга, который намеревались захватить наемники, находится на расстоянии 29 километров от небольшого сахарного завода «Аустралия». От Пляя-Ларга до Пляя-Хирон по шоссе, идущему совсем рядом с морем, 39 километров, так что всего между «Аустралия» и Пляя-Хирон 68 километров. К северу от Пляя-Хирон в 11 километрах находится Кайо-Рамона – место, не окруженное морем, это участок земли, окруженный болотом. В 14 километрах от Пляя-Хирон лежит Сан-Блас; в 30 километрах – Ковадонга; в 36 километрах к северо-востоку находится Оркита, и в 44 километрах – Ягуарамас.

В горах Сьерра-Маэстра у меня не было охраны, и я в ней не нуждался. Я продвигался с войсками, и когда я перемещался из одного пункта в другой, меня сопровождали люди, помогавшие мне в выполнении разных задач. Ответственные за оружие, за медицинскую помощь, за снабжение и транспорт выполняли свои соответствующие задачи вплоть до конца войны. Селия занималась материально-техническим обеспечением сопровождавшей меня маленькой группы и бойцов Колонны 1.

Когда пала тирания, я двигался к столице с силами Колонны 1, и танки, артиллерия и две тысячи солдат отборных войск – разбитых при контрнаступлении и наступлении повстанческих войск, о чем уже рассказано в соответствующих книгах, - примкнули к нам, мы лечили солдат, раненых в боях, и уважали пленных без единого исключения. Я вел их с собой, потому что положение в столице не было еще вполне определенным. Камило и Че получили указания быстро продвинуться по Центральному шоссе и занять соответственно военный городок «Колумбия» и крепость Ла-Кабанья. Тогда впервые у меня появилась охрана из бойцов, отобранных Раулем из сил Второго восточного фронта «Франк Паис».

Они были великолепны и сопровождали меня более двух лет, затем отправились выполнять другие важные задания Революции.

Задачи безопасности перешли к Министерству внутренних дел под руководством товарища Рамиро Вальдеса и его помощников. Рамиро был участником штурма «Монкады», экспедиции на яхте «Гранма» и сражался вместе с Че. Я никогда не возражал против кого бы то ни было из отобранных людей. Как правило, то были молодые люди из бедных крестьянских и рабочих семей, известные левыми взглядами.

Как мы знаем, в нашей стране существовал идеологический хаос, насаженный американцами, которые господствовали более благодаря лжи и невежеству, чем благодаря силе.

Новые товарищи из охраны проходили короткие курсы обучения для выполнения своих задач и обычно были смелыми и решительными, но не имели никакого боевого опыта.

Это не слишком меня беспокоило. Мне прежде всего были важны личные качества каждого из них. В числе прочего, чтобы они хорошо владели оружием и были умелыми шоферами. Всем нам предстояло многому учиться.

Расскажу вам, что буквально сказал один из них, это записано в одном его рассказе о происшедшем ночью 17 апреля, когда пришло известие о высадке:

«Я стоял на посту в коридоре напротив лестницы и помню, что ближе к рассвету на этаже началось необычное движение. Вдруг Команданте встал и начал просить, чтобы его соединили с разными командирами. Пока его соединяли, он все время ходил из стороны в сторону и говорил: “Они уже высадились, и там, где я предполагал. Но неважно: мы их разобьем!”... “Пошли!” Я подумал: теперь-то действительно всему конец, американцы высаживаются, и этот человек сошел с ума! Мы быстро выехали в “Пункт один”.»

Бьенвенидо действительно был напуган в тот день.

В «Пункте один» собрались ночью 17 апреля команданте Серхио дель Валье Хименес - начальник штаба; капитан Флавио Браво Пардо; командиры секторов обороны Гаваны: команданте Филиберто Оливера Мойя, капитан Эмилио Арагонес Наварро, капитан Османи Сьенфуэгос Горриаран, капитан Рохелио Асеведо Гонсалес, капитан Рауль Курбело Моралес, кто будет назначен командующим Революционных военно-воздушных сил, капитан Сидрок Рамос Паласьос и другие. Меня уже соединяли с разными командирами.

Должен указать, что во время битвы на Пляя-Хирон в «Пункте один» сменяли друг друга первоклассные стенографисты, с поразительной точностью записывая каждый разговор, который я вел с разными Пунктами, а также переговоры Центрального командного пункта с любыми командирами зоны операций. Здесь я привожу многие из этих сообщений, отмечающих ход битвы, с минимальными пояснениями, которые делаю только когда это необходимо. Если что-то неясно, я это дополняю; часто я убираю грубые слова и привожу их только когда они нужны, чтобы дать представление о горячности, которую мы испытывали.

ЗАПИСИ И ПРИКАЗЫ, ПОСТУПАВШИЕ С «ПУНКТА ОДИН»

«03.30 часов. Команданте Серхио Дель Валье (команданте Повстанческой армии и начальник штаба Революционных вооруженных сил) сообщает Школе руководителей милисиано Матансаса, чтобы они и грузовики были готовы выехать на операции.

03.35 ч. Команданте Фидель Кастро сообщает капитану (Повстанческой армии) Османи Сьенфуэгосу Горриарану, чтобы все батальоны его сектора были готовы и посажены на грузовики для выезда на операции.

03.36 ч. Подтверждена высадка на Пляя-Ларга. Батальону 339 милисиано – находившемуся на сахарном заводе “Аустралия”, - срочно выйти на Пляя-Ларга. Батальону милисиано Матансаса - срочно продвигаться к Ховельянос.»

Батальон 339 Сьенфуэгоса должен был дислоцироваться на Пляя-Хирон и Пляя-Ларга согласно инструкциям, которые я лично передал заблаговременно до вражеской высадки. В рассказе, опубликованном много лет назад, 17 марта 1986 года, 24 года спустя, Абраам Масикес – директор Плана развития полуострова Сьенага-де-Сапата – утверждал: «За неделю до высадки Команданте посетил район Пляя-Хирон. Он проехал по набережной, был в аэропорту, на туристических объектах вместе с команданте Гильермо Гарсиа и другими офицерами. Он заметил, что если бы высадку совершал он, он произвел бы ее в этом районе, потому что там было два пути к отступлению и другие условия. Он дал инструкции, чтобы в аэропорту поставили четырехствольные пулеметы и пулемет 50-го калибра на крыше водяного резервуара на Пляя-Хирон. Он приказал дать милисиано тысячу чешских винтовок М-52. Дал указание команданте Хуану Альмейде перевести в этот район батальон 339 Сьенфуэгоса. Эти указания не были выполнены, потому что через несколько дней произошло вторжение».

Альмейда послал батальон. Из-за какой-то путаницы батальон имел на Пляя-Ларга один взвод. Если бы он был развернут на Пляя-Хирон и Пляя-Ларга, а не на сахарном заводе «Аустралия», соответственно в 68 и 29 километрах, последствия были бы значительными для агрессоров, которые уже плыли морем к этим пунктам.

Инструкции, которые я дал в 03.36 часов, чтобы эта часть двигалась в течение ночи для поддержки людей, оказывавших сопротивление на Пляя-Ларга, были именно теми, какие следовало сделать. Дать эти инструкции среди бела дня, когда были сброшены вражеские парашютисты, было бы неверно. Около 6.30 утра, то есть через 3 часа, враг бросил батальон парашютистов, чтобы занять подходы, ведущие через болото. Естественно вражеские В-26, на которых в числе летчиков были батистовские пилоты, сбросившие на нас столько бомб в Сьерра-Маэстре, поддержали с воздуха парашютистов, спустившихся на Пальпите, куда не могли прибыть в этот час зенитные установки, которые должны были участвовать в контратаке.

Это замечание важно, чтобы понять последующие события.

«03.55 ч. Главнокомандующему РВВС (Революционных военно-воздушных сил) передают, чтобы он держал в готовности два Sea Fury и один В-26 со всем грузом. Хулио (капитан Флавио Браво Пардо).

04.06 ч. Фидель приказывает командующему РВВС приготовить самолеты, организовать две эскадрильи - два Sea Fury и один В-26.

04.45 ч. Фидель приказывает Сильве (капитан Повстанческой армии и боевой пилот Луис Альфонсо Сильва Таблада) с базы Сан-Антонио-де-лос-Баньос выполнить эту миссию. Два Sea

Fury и два В-26; один реактивный самолет (реактивный самолет Т-33 американского производства) должен быть готов к вылету, чтобы защищать базу. Сильва, двум другим самолетам с ракетами и пулеметом – атаковать плацдарм на Пляя-Ларга и Пунта-Пердис... Вылететь в 05.20 часов, сначала атаковать суда и затем вернуться в Гавану и доложить. Реактивный должен быть готов к защите базы, зенитки тоже... Также есть в Пунта-Пердис (очень близко от Пляя-Хирон), но сейчас больше интересуется Пляя-Ларга.»

Военно-воздушная база в Сан-Антонио-де-лос-Баньос находится на расстоянии 149 километров 600 метров от Пляя-Ларга и 176 километров 800 метров от Пляя-Хирон; это вопрос нескольких минут.

«04.48 ч. Выдвинуть другой батальон для Матансаса, важно занять все мосты в Гаване и Матансасе и оставить четыре запасных (батальона) в Кукине.

05.10 ч. Звонок Команданте Фиделя Сильве на базу Сан-Антонио-де-лос-Баньос, чтобы подтвердить предыдущий приказ, а именно: утверждают, что занят Пляя-Хирон, а не Пляя-Ларга, как сообщалось ранее, продвигаются значительные силы противника, он находится у входа в бухту Кочинос, к востоку, там есть построенный нами поселок (Хирон), также есть аэродром и полоса. Сильва, представь себе подкову с серединой, смотрящей на север, оба края на юг; смотреть на правый южный край, более или менее там находится этот пункт – Хирон, ты должен наблюдать, есть ли самолеты в аэропорту, если есть – обстреляй их, а если нет – атаковать суда, если они в территориальных водах, первая цель – самолет, вторая – суда, наблюдай, есть ли движение грузовиков очень близко от Хирона, любой грузовик, какой ты увидишь между Пляя-Хирон и Пляя-Ларга, 2 километра, от Пляя-Хирона к Пляя-Ларга, все, что находится на этом участке, атакуй. Так что задачи следующие:

Первая задача: атаковать всеми средствами аэропорт, если там есть самолеты.

Вторая задача: атаковать суда.

Третья задача: следить, есть ли движение грузовиков очень близко от Пляя-Хирон, если да, атаковать тоже, а также персонал.

Если наблюдаются маневры судов и персонала, сначала обстрелять суда, затем людей. Заходить с юго-востока на бухту Кочинос, самолет должен вылететь в 05.20 часов» (то есть до рассвета).

«05.45 ч. Команданте Дель Валье позвонил на базу Сан-Антонио команданте Раулю Герра Бермехо, Маро (командующему Революционных военно-воздушных сил), чтобы сообщить, что туда послан министр Курбело, чтобы решать вопросы воздуха, скоординируйте оба между собой, поскольку он выше и в гражданских, и в военных вопросах.»

«В 05.50 часов 17. По приказу команданте Дель Валье оповещены Оливера и Асеведо, чтобы мобилизовать весь персонал, не используя радио, и чтобы все было готово к получению приказов. Его известили о высадке и как все идет. За лейтенанта Крабба.

Все готово в Манагуа в ожидании приказов Фиделя.»

«06.00 ч. Фидель звонит в Сан-Антонио-де-лос-Баньос, узнавая, не докладывали ли ему, что готовы три В-26. Подготовьте В-26 и реактивный с ракетами и бомбами, это когда вернутся остальные, и чтобы всегда был один для охраны базы, есть ли связь с самолетами, и в то же время чтобы нам доносили. Через двадцать пять минут они будут над целью.

06.30 ч. Фидель интересуется у РВВС относительно самолетов, готовы ли они к атаке, пусть командующий РВВС летит старшим с Sea Fury и реактивным, чтобы атаковать Пляя-Ларга,

и позади один В-26, когда вернутся те, что вылетели раньше, пусть немедленно доложат и пусть готовятся и вылетают сразу же. Выполнить эти приказы немедленно.

06.33 ч. Базу Сан-Антонио информируют, чтобы сообщили нашим самолетам сначала доложить, когда будут пролетать над "Аустралией", отдан приказ стрелять.

06.34 ч. Курбело из РВВС докладывает Фиделю, что вражеские самолеты облетают тюрьмы острова Пинос. Наши самолеты открыли огонь по судам у Пляя-Ларга. Врезаться судам и берегу, Пляя-Ларга, один Sea Fury и один В-26. Товарищ Лейва летит командиром эскадрильи. Вылететь, обстрелять и вернуться.»

«В 06.35 часов. Приказ Фиделя: противотанковые батареи - к Агуада-де-Пасахерос, две батареи. Те, что вышли в Матансас, пусть следуют на Агуаду. Еще две противотанковые батареи к Матансасу.

06.40 ч. Фидель приказывает реактивному, чтобы был наготове, в воздухе самолеты, направляются к ней, также готовить зенитки, реактивный чтобы был готов, еще один самолет, чтобы защищать базу. Sea Fury пусть вылетает к цели, и реактивный держать в воздухе или на полосе готовым к атаке, артиллерия (зенитная) в готовности, чтобы отразить агрессию вместе с самолетом.»

«В 06.46. Туда (на Пляя-Хирон) вылетела еще одна эскадрилья.

В 06.46. Остров Пинос: четыре вражеских самолета атаковали остров Пинос, их обстреливают.»

«07.20 ч. Сильва докладывает Фиделю: Что ты сделал? Открыл огонь. А судно не обстреляли? А судно не атаковали? А Sea Fury - по судну? Его потопили? А над Пляя-Хирон что ты сделал? Лодку - ты ее не потопил? Ты видел, как они плыли. Вернитесь еще раз и врежьте им, да, да. И что ему сделали? Возвращайтесь еще раз на Пляя-Хирон, атакуйте судно и потопите его, обстреляйте тех, что на Пляя-Хирон, другие пошли на Пляя-Ларга. Вы возвращайтесь на Пляя-Хирон и потопите все суда, что там есть.

07.25 ч. Команданте Дель Валье просит Курбело: Фидель спрашивает, вернулись ли Sea Fury. Слушай, скажи мне, да, да, да, скажи мне, хорошо, чтобы за этими самолетами тоже следили, остальные пусть атакуют Пляя-Хирон, и мы не можем дать этим судам уйти, очень хорошо, очень хорошо.»

«08.08 ч. Пепину Альваресу Браво (Хосе А. Альварес Браво, командир зенитной артиллерии). Сколько батарей у тебя осталось? А на складах? Мобилизуй шесть батарей и оставь одну дежурной, мы будем сопротивляться. Ты командуешь батареями. Нет, ты должен двигать их, чтобы поддержать артиллерию и танки. Бой идет с артиллерией и танками. Хорошо, Родина или смерть!

08.13 ч. Кто говорит? Позовите Альмейду или Анхелито. (Анхель Мартинес, бывший подполковник Испанской республиканской армии и военный советник команданте Альмейды в Центральной армии) Анхелито? Вы должны послать какие-нибудь силы через Хурагуа на Ховельянос. Пусть движутся к Ховельянос, чтобы продвигались вдоль берега. Очень хорошо! Они? Откуда? Но каким путем они могут продвигаться, каким путем? Продвинулись? Хорошо, идите сражаться с этими отдельными парашютистами, они обречены на смерть, парашютисты в Оркита обречены на смерть! Бросьте против них силы милисиано, что у вас есть».

То было первое полученное мною известие о выброске вражеских парашютистов.

«Альмейда? Продвинуть кое-какие силы через Ховельянос, чтобы сражались на берегу. Филиберто (команданте Повстанческой армии Филиберто Оливера Мойя) продвинется на Пляя-

Хирон, и батальон, который ты послал с Томасевичем (команданте Повстанческой армии Рауль Менендес Томасевич, начальник штаба Центральной армии). Тогда эти люди должны наступать на Пляя-Хирон от Хурагуа. Пусть наступает одна рота, и не давать врагу убежать.»

«08.20 ч. Дель Валье (лично). Прикажи Педрито Мирету мобилизовать по меньшей мере двенадцать орудий 122 мм с персоналом из студентов в направлении сахарного завода “Аустралия”, чтобы расставлять их вдоль берега.

Надо готовить противовоздушную оборону. Два Sea Fury на противовоздушной полосе, чтобы защищать воздух от В-26. Пусть будут готовы к завтра. Эти самолеты прибывают сегодня после обеда, быстро, они должны обеспечить защиту нашим силам. Сегодня мы потопим суда, завтра собьем самолеты.»

«08.21. Че звонит Фиделю (из Пинар-дель-Рио): Как дела? Минометы какого типа, Че? Какие минометы? Этот персонал мы готовили в Баракоа, хочешь, чтобы мы тебе его послали? Хорошо, я поговорю с этими людьми, чтобы их тебе послать, и поговорю с Универсо, чтобы он послал тебе туда персонал из Пинар-дель-Рио. О-кей. Куда тебе его послать? Хорошо, это надо достать там... Я пошлю в Артемису... лучших, но это не просто, достать транспорт теперь, они с батареей. Хорошо. Сражаются уже по-настоящему. Мы победим!

В 08.22 ч. Универсо Санчесу, чтобы послать Че персонал противотанковых батарей Пинар-дель-Рио и Торансо (капитан Повстанческой армии Марио Торансо Рикардо) послать ему минометы 120.

08.23 ч. Универсо Санчесу. У Че есть шесть батарей орудий без персонала. Я рекомендую, чтобы ты отобрал самый лучше обученный персонал Пинар-дель-Рио и послал туда... Орудия там. Они знают уже много, по меньшей мере, если не много, то хоть что-то знают.»

«08.26. Курбело – РВВС... мы собьем самолеты, но сегодня мы потопим суда. Топите суда! Топи суда, черт тебя подери, ты должен потопить суда! К черту, огонь по ним!»

Я продолжаю давать инструкции в таком темпе с 3.30 часов.

«08.42 ч. Османи (лично) Кико (капитан Повстанческой армии Энрике Гонсалес) пусть пошлет запасные снаряды для танков и запасные части для танков.

08.45 ч. (Османи) (лично) Приказ Курбело – уничтожить суда, уничтожить суда!

08.46 ч. (Османи). Давай подсчитаем. Один Филиберто, два в Ховельянос, это три, один в Матансасе, четыре. Сколько остается у нас в Гаване? (Османи докладывает, что остается тридцать четыре батальона). Я послал бы еще четыре: один в Хагуэй-Гранде. Знаешь почему? Потому что это мы будем использовать утром, для окружения. Но это неважно, пусть придут в двенадцать ночи в Хагуэй, четыре легких батальона; два легких и два тяжелых. Да, потому что мы возьмем все.

08.47 ч. Арагонесу (лично). Толстяк, в 6.00 утра чтобы все это было чисто. Я хорошо все это знаю; в 6.00 утра все должно быть чисто. Мы врежем ему ночью, и всем, что есть!

08.48 ч. Раулю Кастро (в Ориенте). Пока ты кажется не участвуешь в празднике, но ты должен быть внимательным. Что? До сих пор они высадились с юга. Я не могу приводить тебе деталей, я не должен приводить детали, но вы там будьте начеку в Сьерре и везде, однако я думаю, что их сконцентрировали здесь, слышишь? Хорошо, удачи! Пока.

08.53 ч. Команданте Дель Валье просит соединить его с команданте Курбело, Дель Валье говорит, что наша задача – сконцентрировать атаку на судах на Пляя-Ларга и Кайо(Пляя)-Хирон.

08.58 ч. Курбело. РВВС. Скажи мне, как обстоят дела? Да. Что происходит? Да. А пилот? Где это было? Да. А с вражескими судами что? Да. Не потопили ни одного? Хорошо. Надо поддерживать моральный дух. Вы сбили какой-нибудь их самолет? Хорошо, Sea Fury, сколько их у нас осталось? Скажи мне. Хорошо, надо продолжать бой. Реактивные – они уже вылетели? Здесь, что? А реактивные? Обстреляли из пулемета? Их обстреляли? А суда не ушли? Вы должны продолжать их обстреливать всем, что у вас есть! Да, надо отомстить за товарища, которого сбили! Надо отомстить за него, товарищ! Используйте реактивные, чтобы сбить их В-26! Хорошо, пули у вас будут. До свидания, товарищ.»

Был сбит отважный капитан Повстанческой армии Луис Альфонсо Сильва Таблада, боевой пилот, с которым я говорил в 4.45 утра.

В 09.09 мне удалось установить связь с сахарным заводом Ковадонга.

«Сахарному заводу Ковадонга. “Слушаю, да. Смотрите, товарищ (Гонсало Родригес Мантилья, Челе), скажите этому товарищу, что нельзя уходить оттуда. Слушаю. Хорошо, скажите мне: в Агуада-де-Пасахерос есть войска? Неважно, это бомбят наши самолеты. Наши самолеты непрерывно бомбят врага. Хорошо, слушайте, не отходите, туда уже послано, товарищ, но они продвинулись, и это отнимает время. Они уже должны быть за Агуада. Позвоните в Агуада-де-Пасахерос, я позвоню, чтобы туда послали подкрепления. Сопrotивляйтесь там отважно, товарищи! Очень хорошо. Родина или смерть!”.»

«09.13 ч. Дель Валье (лично). (Кто-то докладывает, что Седеньо из Министерства транспорта приказал парализовать весь транспорт) Скажи ему, что нет, чтобы он не выполнял этого приказа, пока в этом нет необходимости.»

«09.20 ч. Команданде Дель Валье докладывают из РВВС, что два вражеских В-26 преследуют наш реактивный. Уже на подмогу поднялся в воздух другой реактивный.

09.25 ч. Курбело. РВВС, Сан-Антонио. Слушай, Курбело, надо посмотреть, имеется ли реактивный самолет, чтобы прикрыть наши войска на шоссе от сахарного завода “Аустралыя” на Соплильяр. Да, у тебя есть в распоряжении реактивный? Хорошо, когда он сядет, прикажи ему и сообщи, чтобы он вылетел прикрыть наши войска, по крайней мере в течение получаса; между сахарным заводом “Аустралыя” и Соплильяр, там один В-26 очень уж мешает, чтобы реактивный прикрыл наше продвижение, посмотрим, может ли он быть там через двадцать пять минут. Я соединюсь с Фернандесом. Как только он вернется, посмотри, чтобы он поддержал. Нет, между “Аустралыя” и Соплильяр. Хорошо.

09.28 ч. Фернандесу – “Аустралыя”. Через тридцать - сорок минут там будет реактивный для прикрытия этого шоссе...»

«09.30 ч. Дель Валье (лично). Прикажи держать в гаражах все полицейские машины, сегодня вечером, чтобы послать, куда потребуется. (Дель Валье спрашивает, есть ли здесь какая-нибудь). Нет, она не нужна.»

«09.31. Курбело РВВС. Ты можешь их прикрыть? В этом направлении? Ты нас прикроешь, да? Да. Прикрыть их между “Аустралыя” и Соплильяр. Хорошо, я там предупреджу. Через какое время он будет там, двадцать минут? Очень хорошо. И два, которые преследовали Sea Fury. Очень хорошо!»

В отношении прикрытия с воздуха я возвращаюсь к тому же вопросу в 9.40 и в 9.42 часов.

«09.50 ч. (Дель Валье сообщает, что пилот Каррерас потопил судно и повредил другое, которое тонет, и поразил один В-26, который улетел с горящим крылом. Он вернулся, чтобы заправиться

и продолжать атаку на полузатопленное судно.) Спроси в Матансасе, уже проходили ли там танки. Зенитная батарея, которая должна быть в Матансасе, должна сопровождать танки до Ховельянос.»

«10.00 ч. Курбело. РВВС. Курбело, Фернандес мне не сообщил. Ты должен хорошенько объяснить пилоту, что это шоссе, которое идет от сахарного завода “Аустралия” на Пляя-Ларга, от сахарного завода “Аустралия” на Пляя-Ларга, реактивные должны обеспечить там прикрытие, но должны долетать не до Пляя-Ларга, а до Пальпите. Когда один вернется, пусть вылетает второй, ты должен хорошенько объяснить: прикрытие этого с воздуха. Да, более или менее, нашим войскам, которые будут там продвигаться. От “Аустралия” на Пляя-Ларга – до Кайо-Рамона? Что? Да. Хорошо, обеспечивать прикрытие шоссе, это важно, и продолжать атаку на суда. Да, всегда быть начеку, потому что завтра они попытаются нанести там удар. Обеспечивать прикрытие шоссе столько, сколько будет необходимо. Я тебя предупрежу. Хорошо, очень хорошо.»

«13.02 ч. От Фиделя Кастро команданте Раулю Кастро в Ориенте.

Слышишь, Миро Кардона настаивает, что была высадка в Ориенте. Да, ладно, неважно. Что бы там ни произошло, вы должны применять много антитанковых, на случай, если появятся какие-нибудь танки. Пусть все антитанковые будут готовы, чтобы прибыть быстро. Мы не знаем; когда захватим первого, мы тебе сообщим. Один убитый парашютист, но не спеши, не беспокойся. Слушай, Рауль: много зениток в аэропорту... Мы снова спросим, но они должны быть на подходе. Еще одно: если завтра там что-нибудь произойдет, мы возможно пошлем тебе авиацию. Авиация действовала прекрасно... Не могу уточнить, но не надо тревожиться. Что? Да, потому что они очень настаивают, но они сбросили своих парашютистов и все здесь, постарались захватить это. Я думаю, что главное усилие они сделали здесь, на Сапата. Нельзя уточнить, но они сбросили много парашютистов, думаю, всех, что у них были. Очень внимательно там. Рауль, много танков и много зенитных орудий. Поддерживай людей зенитками. Потом тебе пришлют, но много зениток. Я узнаю о 400, когда они вышли и каким путем. Куда? Я не знаю, но узнаю. Много зениток и защищать людей, у них самолеты. Хорошо.»

Я отдал на «Пункте один» больше 50 приказов и указаний, прежде чем отправиться в район операций.

Рассказ Хосе Рамона Фернандеса

«Было примерно 02.40 часов ночи 17 апреля. Я ничего не знал о вторжении, то есть о высадке наемников, и это он мне сказал, что происходит высадка в районе Съенага-де-Сапата.»

«Он приказал мне, не теряя ни минуты, выехать в Матансас и во главе Школы руководителей милисиано, которой я тоже руководил, отправиться отражать агрессию.»

«“Садись в машину и выезжай как можно скорее”.

Я немного задержался с выездом, потому что искал карты района – я был в Съенаге только один раз с Команданте, никогда ни раньше, ни позже я там не проезжал, только в тот день, когда мы возвращались из Эскамбрая, – и склад с картами был закрыт... Примерно через полчаса Команданте звонит снова: “Ты еще там? Еще не выехал?” Ну, я уж не помню, сломали ли мы дверь, словом я нашел карту и немедленно выехал в Матансас. Когда он позвонил, он также сказал, чтобы я не начинал предупреждать Матансас, чтобы поднять Школу, он берет это на себя и отдаст приказ, чтобы школа была мобилизована. Действительно, когда я туда приехал, школа была уже поднята по тревоге.

Не успел я войти в это помещение – сегодня там командование Центральной армии. - на посту мне говорят: “Вам звонит Команданте”. Я пошел к телефону, снова поговорил с ним, и он повторил мне указание отправляться в Хагуэй-Гранде. Он спросил, каким путем я поеду. Я не знал хорошо тамошних дорог и, поискав на карте, увидел, как можно попасть в Хагуэй.

...Я выступил с намерением войти со стороны Колона, в конце концов вошел со стороны Перико-Аграмонте. Прибыв в Ховельянос, на дороге я увидел капитана Повстанческой армии Хосе А. Борота Гарсиа и еще двух—трех товарищей. Они делали мне знаки, чтобы я остановился, и я затормозил почти чудом. Я им сказал: “Пожалуйста, прошу вас, не задерживайте меня, у меня машина полна и я спешу”... но они говорят: “Нет, нет, дело в том, что вам звонит Команданте”. Казарма Ховельянос находится прямо там, при въезде в городок. Я подъехал туда, поднялся, снова связался с Команданте. Он дал указание направиться в административное здание сахарного завода “Аустралия” – где был телефон, который сразу соединял с “Пунктом один”, - чтобы я ехал прямо туда и, прибыв, связался с ним. Я прибыл в Хагуэй в семь с чем-то утра.»

«Тогда путь от Матансаса по Центральному шоссе занял у меня два с лишним часа – это был лучший путь в то время.»

«...Около 08.00 часов там был администратор сахарного завода. Я прошел туда и спросил:

- Где здесь телефон?

Действительно, я снял трубку, снова поговорил с Команданте, который распорядился, чтобы я не отходил далеко от телефона, хорошо прояснил ситуацию и был в курсе того, что происходит.

То был первый звонок мне от Команданте на сахарном заводе “Аустралия”, потом на протяжении всего дня не могу сказать, сколько еще раз он мне звонил, много раз.»

«Начали подходить люди... собралось сто с лишним – двести человек, они просили дать им оружие, чтобы идти сражаться.»

«Получив информацию о высадке, командир батальона 339 капитан Повстанческой армии Рамон Кордеро, который находился в своей части вблизи сахарного завода “Аустралия”, послал силы своей первой и второй роты сражаться с врагом между Пальпите и Пляя-Ларга, где бой шел в неблагоприятных условиях: противник был лучше вооружен, лучше организован, намного лучше подготовлен и занимал лучшие позиции для обороны. В этой сильной стычке с агрессорами погибло несколько милисиано, и эта часть сил батальона была практически рассеяна. Чуть позже, перед рассветом, остальные части батальона 339 также направились туда на этот раз под прямым командованием их командира батальона и сражались в очень неблагоприятных условиях.»

«Он мне сказал, чтобы я со своими людьми взял Пальпите. Я смотрел на карту и говорил ему: “Команданте, я не вижу на карте никакого Пальпите”. Тут начался долгий спор: “Я его не нахожу, тут нет Пальпите”. “Ладно, ищи Пальпите, он должен быть там”.

Оказалось, что на карте была ошибка, там стояло Паррите – вон там военные карты издания пятьдесят какого-то года, - вместо Пальпите стояло Паррите, и я продолжал искать на карте. Я ему говорю: “Смотрите, я вижу здесь пункт, который называется Паррите, он находится между таким-то и таким-то пунктом”, он отвечает: “Это он и есть, это не Паррите, а Пальпите, овладей Пальпите”.

Фидель позвонил мне снова и сказал, что на подходе батальон. То был 219-223 из района Колона под командованием капитана Роберто Бенитеса Лореса.

Этот был персонал батальонов еще не полностью сформированных и как следует организованных, но люди проявляли высокий моральный дух, хотя никто из них не практиковался в стрельбе и у каждого была только винтовка М-52 с двадцатью патронами. Я дал им задание попытаться занять селеньице Пальпите.»

В этом случае наверняка в воспоминаниях Фернандеса произошла какая-то путаница; он рассказывал это 17 апреля 1988 года, то есть через 27 лет после того события. В более чем ста стенографических записях, регистрировавших мои звонки и приказы, ни в одном, данном в тот день, я не упоминаю этого батальона из района Колона. Первая часть, которой я приказал выступить в тот день, была сила, образованная из офицеров Колонны 1 Сьерра-Маэстры под командованием Харольда Феррера, из 600 человек, вооруженных винтовками ФАЛ, ее сопровождала танковая рота, которой командовал Лопес Куба, они в ту ночь атаковали Пляя-Ларга. Я лично дал указания этим силам в Пальпите.

Школа руководителей милисиано из Матансаса с ее командиром Хосе Рамоном Фернандесом была послана сражаться против агрессоров именно потому, что она была одной из наиболее подготовленных частей, и в силу своей близости к месту, выбранному противником для высадки.

Продолжается рассказ Хосе Рамона Фернандеса:

«Там при налете вражеской авиации погибло шесть человек, и батальону пришлось отойти. (Речь идет о батальоне, пришедшем из Колона). Я приказал, чтобы они снова перешли в наступление и овладели дорогой, в особенности системой водопропускных сооружений.»

«Затем в “Аустралия” явился батальон 227, пришедший из Уньон-де-Рейес, под командованием капитана Повстанческой армии Орландо Переса Диаса. Я дал ему задание взять Пальпите, куда он пришел после Школы руководителей милисиано, так как они передвигались пешком, а персонал Школы был на автомашинах.»

Это была еще одна часть, сформированная из храбрых бойцов, таких как бойцы из Колона, они прибыли к сахарному заводу “Аустралия” без моего ведома и без ведома Центрального командного пункта. Неоспоримое доказательство патриотизма нашего народа. За исключением Школы руководителей милисиано, находившейся в Матансасе, все пехотные части, танки, зенитная и наземная артиллерия были посланы из Гаваны - поскольку в столице страны были дислоцированы самые большие и наиболее опытные силы, - чтобы сражаться со штурмовой бригадой, хорошо обученной и вооруженной Соединенными Штатами, поддержанной морскими и воздушными силами. Я считаю важными эти данные, потому что они помогают нам понять обстоятельства, в каких произошла историческая битва.

Продолжается рассказ Фернандеса:

«Примерно в 9.00 утра прибыл батальон Школы руководителей милисиано. Я не дал им спуститься с грузовиков, поднялся на крышу одной машины прямо там же, они приблизились, и я выступил перед ними. Я поставил им задачу взять Пальпите и потом послать роту и взять Соплильяр в 6-7 километрах к востоку от Пальпите, это заблокировало бы находившуюся там взлетно-посадочную полосу и позволило бы закрепить место за собой.»

«Когда пришло известие о взятии Пальпите, я позвонил Команданте, и он меня спросил:

- Ты взял Пальпите, твои люди находятся в Пальпите, ты уверен?

- Уверен, Команданте.

- Мы уже победили! – воскликнул я, по словам Фернандеса, и хотя этого не стоит в

стенографических записях моих переговоров, такой вывод не был невозможным, так как плацдарм по другую сторону болота, в 25 километрах от сахарного завода “Аустралия”, был в наших руках. Я уже один раз сказал “мы уже выиграли войну”, когда нас, бойцов с “Гранмы”, оставалось очень мало и я увидел величественную, поросшую лесом гору пик Каракас высотой в 1200 метров – театр военных действий, который мы искали. Но на Плая-Хирон правда то, что в тот день, в тот час все еще предстояло сделать.

И Фернандес завершает свой рассказ утверждением:

«Поэтому Фидель месяц спустя, в выступлении на выпуске Школы милисиано, вспоминая павших бойцов из этой школы, превращенной в боевой батальон, сказал: “... эта часть, бойцы которой не окончили ее руководителями милисиано, вышли отсюда вечными героями родины”.»

Рассказ Рауля Курбело Моралеса

«Думаю, что мой случай – случай многих других товарищей. Несмотря на то, что я ничего не знал об авиации, я занял этот пост. В решающие моменты Фидель в силу инстинкта и своего чувства войны хотел иметь в Сан-Антонио кого-то, кто понимал бы отдаваемые им приказы. Мне повезло, что я из Сьенфуэгоса. До победы Революции я ездил верхом в Ягуарамас и знал весь этот район до Плая-Хирон.

Это была огромная удача, потому что если бы высадка произошла в Мариеле или в Баиа-Онда – в районах, которые я не знал, - мне было бы трудно руководить боевыми действиями. Фидель знал дороги и весь район, где произошла высадка, потому что Революция проложила шоссе, насыпи, он знал все это наизусть и всякий раз, когда он называл мне какой-либо пункт, я мог ему ответить, когда он давал мне указания, чтобы авиация действовала в любом пункте из тех, что он мне называл, я это выполнял.

Фидель много раз звонил мне на командный пункт базы Сан-Антонио. Я устроился на диспетчерской вышке и там получал приказы.

Команданте Рауль Герра Бермехо – Маро - был командиром военно-воздушных сил, он был команданте, а я капитан.»

«Помню, я сказал Маро: “Я не знаю здешних условий на земле, не знаю, где находится вооружение, не знаю, как ведется подготовка самолетов к бою, так что ты занимайся землей, а я пойду на диспетчерскую вышку, чтобы руководить там наверху, передавая пилотам инструкции, которые буду получать от Главногокомандующего”.

И Маро с энтузиазмом, смелостью и безоглядной решимостью сыграл там важнейшую роль со всем персоналом тыла. У нас с Маро были очень хорошие отношения.»

«Один фактор был решающим, и он доказывает, насколько Главногокомандующий был искусен в военных вопросах.»

«Мой вариант был атаковать войска на земле. Фидель мне ответил: “Нет, надо атаковать суда. Атаковать суда!”

В тот момент я его не понял, я сумел понять его позже, когда поступил в военную школу. В борьбе против высадки с моря первое, что надо сделать, - это вывести из строя морские средства, с которых происходит высадка. Он и сделал это, словно учился в крупных военных академиях, благодаря свойственной ему интуиции, потому что во время его войны в Сьерра-Маэстре он не имел дела с судами и с подобными операциями. Быть может, эти исторические знания о важных битвах он получил из прочитанных им книг о Первой и Второй мировых войнах,

о больших военных кампаниях римлян и из трудов других военных теоретиков.

Он мне повторил: “Надо потопить суда”. Тут я ему сказал: “Команданте, случайно тут рядом со мной Каррерас. Если хотите, я его позову”.

Он отвечает: “Давай мне его”. И тут он попросил Каррераса: “Потопите мне суда! Атаковать суда, Каррерас!” Это было в тот момент. Вскоре Каррерас вылетел на своем самолете, и позже мы получили известие, что он поразил ракетами сначала “Хьюстон” и потом “Рио Эскондидо”.»

Это были искренние слова Рауля Курбело.

Благодаря героизму и красоте рассказа о подвиге, совершенном этим пилотом, я должен включить в эти «Размышления» то, что рассказал генерал Энрике Каррерас Ролас издательству «Летрас Кубанас» в 1979 году, и отметить, как важно было сохранить немногие боевые самолеты, которыми мы располагали.

Рассказ генерала Энрике Каррераса Роласа

«Главнокомандующий часто посещал нас на военно-воздушной базе Сан-Антонио, беседовал с техническим персоналом и летчиками.

Беседуя с нами, он говорил: “Эти старые самолеты, на которых вы летаете, нельзя сосредотачивать в одном месте, их нужно разместить таким образом, что если произойдет нападение с воздуха, враг уничтожил бы списанные аппараты. Расположите их на расстоянии друг от друга, чтобы сбить врага с толку и сохранить наши машины. Я уверен, что нас атакуют. Шевелитесь до того, как это случится”. Так и произошло.

Я дежурил в самолете, когда мне сообщили, что со мной хочет говорить Главнокомандующий.

“Каррерас, на Пляя-Хирон высаживается десант. Вылетайте и прибудьте туда до рассвета. Потопите суда, на которых перевозят войска, и не дайте им уйти”.

Приказ вылетать был отдан в пять часов утра. Когда мне сказали, что речь идет о высадке, я думал, что они говорили о какой-нибудь яхте или другом более крупном судне, которое высаживало людей на берег. Я и отдаленно представить себе не мог, какое зрелище ожидает меня в заливе Кочинос и на Пляя-Хирон. В момент вылета у нас было только три действующих самолета: два Sea Fury и один плохо вооруженный B-26. Я вылетел первым как командир эскадрильи. За мной следовали Боурсак (Густаво Боурсак Мильяр) и Сильва (Луис Сильва Таблада), они подложили свинью Лагасу (чилийскому пилоту Жаку Лагасу). Через двадцать минут мы уже были над целью. Бросив первый взгляд с высоты шесть тысяч футов, я подумал, что все это сон или что перед моими глазами шел какой-то документальный фильм или фильм о Второй мировой войне. Я подумал, что вижу ремейк высадки в Нормандии, только в меньшем масштабе. Вблизи от берега Пляя-Хирон было по крайней мере семь - восемь крупных судов и неопределенное количество десантных катеров и лодок, и высадка была в полном разгаре. Я увидел, что огромное транспортное судно уже входило в залив Кочинос, за ним следовал военный фрегат – что представляет собой военно-морское подразделение, по важности следующее за destroyer.

Я самостоятельно за считанные секунды принял решение и выбрал первую цель – судно, которое направлялось к Пляя-Ларга. По радио, шифром, я дал инструкции моим товарищам и первым бросился в атаку. С высоты пять-семь тысяч футов мы пикировали на “Хьюстон” - транспортное судно типа “Либерти” водоизмещением восемь тысяч тонн, набитое войсками и

военным снаряжением, оно стало нашей целью. С высоты тысяча пятьсот футов я прицелился и выпустил в него свои четыре ракеты. Со мной происходило что-то странное. Мне казалось, что я точно в тумане. Только считанные разы я вел учебную стрельбу в воздухе и не знал, что такое война.

Мы были уже обнаружены врагом, и по нам открыли просто сумасшедший противоздушный огонь. Десятки батарей - пулеметы и орудия - изрыгали по нам огонь снизу. Это было впечатляющее зрелище - видеть пространство, освещенное трассирующими пулями и взрывом снарядов.

Могу заверить вас, что то, что мы пытались сделать, напоминало действия японских летчиков-камикадзе.

Я привел механизм в действие, чтобы выпустить ракеты, и следил взглядом, в каком направлении они летели. Признаюсь, для меня было сюрпризом увидеть, как они попали в корму "Хьюстона". Корабль задымился, и я убедился, что его рулевой в срочном маневре направляет его к берегу, чтобы посадить на мель. Боурсак и Сильва также выпустили ракеты по "Хьюстону" и явно попали в него. Эскортирующий его военный фрегат понял, что судно пропало, так как оно уже заполнялось водой, и начал двигаться зигзагами, развернулся и направился ко входу в залив, чтобы присоединиться к флотилии, находившейся напротив Пляя-Хирон.

Я сделал еще два круга над целью, выпустив весь запас пуль моих пулеметов. Затем вернулся на базу.

Когда я вышел с кабины, я был очень возбужден. До определенной степени все показалось мне таким легким - нажать кнопки и видеть, как корпус судна распадается, словно бумажный, - что мне хотелось всем рассказать о происшедшем. Курбело вызвал меня в Управление операциями, и я доложил о своих действиях. Позже мне рассказывали, что они почти ничего не поняли из того, что я говорил вначале, так как я путал курсы и все время сбивался. Потом я немного успокоился и смог доложить более или менее прилично.

Команданте Кастро был доволен. Первое судно мы посвятили ему.

Не знаю, сколько времени затратили на то, чтобы вновь подготовить мой самолет. Топливо, боеприпасы. Механики и ответственные за вооружение летали просто как на крыльях. По моим подсчетам, они сделали все за треть нормального времени, и я снова поднялся в воздух, на этот раз с восьмью пятьюдюймовыми ракетами. Я взял направление на Пляя-Хирон. С высоты я увидел "Хьюстон", сидевший на мели около Пляя-Ларга, он был похож на смертельно раненую большую рыбу. Напротив Пляя-Хирон я различил судно, еще большее, чем "Хьюстон". Это было "Рио Эскондидо" - как я потом узнал, одно из судов, доставивших наибольшее число персонала и снаряжения для наемников. На его борту находилась радиостанция, при помощи которой эти сволочи думали, установив ее на суше, передавать обращения к кубинскому народу. Кроме того, там были грузовики, запасные части для самолетов - они планировали создать на взлетно-посадочной полосе Пляя-Хирон воздушную базу и оттуда действовать своей авиацией, - топливо для них и много боеприпасов. "Рио Эскондидо" находилось примерно в трех морских милях южнее берега.

Ракеты моего Sea Fury вылетели в направлении огромного корабля, точно дымящиеся молнии. Есть! Они поразили его прямо по центру. Я рассказываю это дольше, чем потребовалось на то, чтобы "Рио Эскондидо" взорвалось, словно петарда, все охваченное пламенем.

Пока я наслаждался этим еще новым для меня зрелищем, я заметил, что ко мне приближается В-26. Я подумал, что это самолет Сильвы, но сразу же вспомнил, что в эти минуты у нас в воздухе не было никакого В-26. Обман был почти полным, единственное, что отличало его от наших, были синие полосы на крыльях. Если не считать этого, цвета, кубинский флаг и обозначение РВС

были точно такими же, как и на наших самолетах. Я развернулся, воспользовавшись тем, что скорость моего Sea Fury была выше, чем у вражеского бомбардировщика, и занял место в его хвосте. “Ровнехонько двенадцать”. (Термин из языка летчиков, определяющий положение противников в воздухе).

Несмотря на мою выгодную позицию, B-26 сумел первым открыть по мне огонь из хвостового пулемета. Я ответил длинной очередью из моего орудия 50 калибра, задев один из его моторов. Я увидел, как он начал терять высоту, задымился и стал спускаться в направлении плывущих внизу военных судов, словно в поисках защиты. В конце концов он упал в море возле одного из судов.

Не знаю, были ли то выстрелы B-26 или огонь противозенитных батарей, установленных на судах, но я понял, что у меня поврежден мотор. Sea Fury начинал хромать. Несмотря на это я сделал несколько заходов над судами, пока не закончились боеприпасы. Затем направился на базу. При посадке самолет не слушался, как надо. Едва только механики бросились к нему, они объяснили мне, что случилось. Два снаряда повредили мне один из цилиндров - достаточно серьезное повреждение.

Но все, кто там находился, знали, что гораздо опаснее летать на любом из этих самолетов, чем вступить с врагом в перестрелку.

К моему большому сожалению, я вынужден был сделать перерыв. На ремонт требовалось время, и я уже не мог больше вылететь в тот день.

Но я был ужасно доволен: на моем счету было два больших судна и один вражеский самолет.

Я подумал, что Фидель Кастро должен быть удовлетворен. Каррерас его не подвел.»

Летчики за один день вывели из строя только на «Хьюстоне» целый батальон наемников, который не мог сражаться, и нанесли большие потери наемникам на «Рио Эскондидо»; весь вражеский флот обратился в бегство. По моим подсчетам, у нас была едва ли половина боевых самолетов, какие были у противника.

Объяснение Рауля Курбело

«Каррерас атаковал суда. Сначала он вывел из строя и посадил на мель “Хьюстон”, вернулся на базу и вновь вылетел в залив Кочинос, атаковал “Рио Эскондидо” и потопил его. Это было главное судно, так как на нем везли топливо и большое количество запасных боеприпасов, что являлось чрезвычайно важным для выполнения задач, поставленных перед собой наемниками.

Я считаю, что то был ключевой момент, затем будут другие моменты, определившие разгром за семьдесят два часа, потому что было потоплено одно судно и выведено из строя другое с целым батальоном на борту, были уничтожены баркасы в момент, когда с них производили высадку, а другие суда - одним из них был “Атлантико”, - увидев один потопленный корабль и другой, вышедший из строя, отошли дальше от берега, потому что находились примерно в трех морских милях от земли.»

Рассказ Харольда Феррера Мартинеса

«Когда около 02.00 часов произошла атака на аэропорты, Главнокомандующий позвонил мне в Кохимар и задал кое-какие вопросы о людях, какие были у меня там, о вооружении и транспортных средствах; он сказал, чтобы мы были готовы к выезду, потому что возможно нам

придется вступать в бой. Но деталей он не приводил.

17 апреля Селия позвонила мне в Кохимар, сообщила о высадке на Пляя-Хирон, и Команданте приказал мне быть готовым, чтобы выехать утром, дал инструкции выехать и ждать в Матансасе.

Я отправился искать транспорт.

В 1959 году Главнокомандующий собрал группу офицеров Повстанческой армии и спросил, кто из нас готов отправиться в Минас-дель-Фрио, чтобы выполнить одну миссию. В группу вошли офицеры Повстанческой армии Леопольдо Синтра Фриа - Поло, братья Сотомайор, Пардо, капитан Гаспар Камехо, Уго дель Рио и другие товарищи.

Идея была в том, чтобы иметь подготовленных товарищей для руководства тысячами солдат Повстанческой армии, обучить их и одиннадцать раз подняться на пик Туркино, чтобы подготовить новые колонны для отпора любой агрессии извне.

Так появляется колонна, которой он сам дает имя Хосе Марти. Он лично позаботился дать ей первый транспорт и вооружение, прибывшие из Советского Союза, и определил задачи каждому солдату. Были созданы две колонны: артиллерийская под командованием Поло и пехотная под моим. Я отправился на базу "Гранма", где был проведен курс обучения, оттуда мы на несколько дней отправились в лагерь Манагуа и затем переместились в Кохимар.

То были четыре пехотные роты, одна рота минометных батарей, одна пулеметная рота и одна рота огнеметов, которая находилась в ИНРА и подчинялась нам, всего шестьсот человек. Организационно это был не батальон, а колонна, по численности она не доходила до батальона.»

«Мы базировались в Касабланке, затем нас перевели в Кохимар, где было мое постоянное местонахождение.»

«Когда произошло вторжение, он сказал нам, чтобы мы были готовы выехать и ждать в Матансасе. В этом городе он приказал нам ждать в казарме Ховельянос, куда мы прибыли в послеобеденные часы.

Там он нам приказал переместиться к Лагуна-дель-Тесоро и оттуда при поддержке артиллерии атаковать вместе с танками позиции наемников, занявших шоссе от Пальпите до Пляя-Ларга.

Фидель подробно описал характеристики заболоченного труднодоступного района, где была единственная дорога, окруженная с обеих сторон болотами и зарослями. Он предупредил нас, что миссия была трудной, но она станет исторической, потому что надо было выгнать врага с его позиций.

Колонна 1 состояла из шестисот человек, ей подчинялись две роты - гранатометная и огнеметная, входившая в ИНРА.

Пока я выслушивал приказания Фиделя, я приказал одному командиру разместить колонну вблизи от Центрального шоссе, но получилась путаница, и часть артиллерии продолжала двигаться к Колону. Я попытался предупредить их, чтобы они вернулись, и у меня не осталось иного выхода, как доложить Фиделю о происшедшем, он ответил, что сам найдет остальной персонал и направит его к месту операций.»

Я уже с вечера нахожусь в зоне операций и посылаю рукописный приказ капитану Фернандесу:

«Фернандес,

я решил отправить остальные двенадцать гаубиц и поддержать их двумя батареями многоствольных пулеметов и еще одной зенитной батареей, потому что считаю очень важным устроить адский огневой вал. Постарайся вести заградительный огонь наиболее возможным числом гаубиц.

Фидель. Сахарный завод “Аустралия”. 17 апреля 1961 г.

19.00».

Рассказ Хосе Рамона Фернандеса Альвареса

«Когда Фидель находился там, оставаясь до ночи, точнее до позднего вечера, потому что ночью он уже уехал в Пальпите, прибыла зенитная артиллерия, артиллерия и танки. Фидель следовал стратегии направить эти силы, которые легко просматривались с воздуха и у которых нет хорошей противовоздушной защиты, такие как артиллерия и танки, в Ховельянос, сосредоточить их в Ховельянос и ночью вывести их в районы боевых действий. Но позже некоторые из этих частей двигались днем, хотя общим правилом было двигать их ночью. В общем, когда уже стало темнеть, Фидель разрешил нам переместиться в Пальпите и организовать атаку на Пляя-Ларга под защитой зенитной артиллерии. Мы перебросили пять танков, четыре батареи гаубиц калибра 122 мм, две или три батареи орудий калибра 85 мм и одну батарею минометов калибра 120 мм.»

Рассказ члена охраны Бьенвенидо Переса Саласара (Чичо)

«Некоторое время он находился в “Аустралия” и затем оставил начальником операций Аугусто Мартинеса (заместителем командира был врач команданте Оскар Фернандес Мель, начальник военно-санитарной службы). Тут же машины выезжают в сторону болот, а я возвращаюсь за Сантьяго Кастро, но его нигде нет, он уснул возле машины, на траве. Я никогда не видел войны, ничего похожего, и был немного взволнован всем этим, а Сантьяго Кастро был такой спокойный, как будто и не было никакой войны. Так вот, прихожу я туда, где находится Сантьяго Кастро, и тут выходит Аугусто Мартинес и мне говорит: “Ты не можешь уезжать, ты должен быть здесь со мной, потому что я остался за командира”. Я спрашиваю его: “А вы обсудили это с Команданте?”, он отвечает: “Да, да, ты должен остаться здесь со мной”. Потому что он был один и хотел, чтобы рядом с ним просто был какой-нибудь товарищ, для поддержки.

Я остался, но беспокоился, что ведь Команданте находился в районе боев, и планировал, как бы мне все-таки уйти от Аугусто. Не потому что это Аугусто, я его глубоко уважаю, но дело в том, что я был из охраны Фиделя, а не из его охраны. Тогда возникла необходимость отправить Фиделю послание, чтобы сообщить, что произошла еще одна высадка в Баия-Онда. Была уже ночь, Аугусто искал, кто мог бы доставить сообщение туда. Тогда я сказал Аугусто: “Я могу это сделать, я знаю эту дорогу и днем, и ночью, потому что Команданте часто ездил по ней. Я эту дорогу прекрасно знаю”, я сказал ему, что могу пройти по ней с закрытыми глазами. Он не хотел меня посылать, но потом понял, что я подхожу больше всех.

Мы с Сантьяго Кастро выехали в Боку, вся дорога была полна транспорта, была уже ночь, и была настоящая трагедия добраться туда, потому что мы ехали с потушенными огнями. Мы прибыли на место, где Команданте проводил собрание с товарищами, объясняя им стратегию, планы наступления, и я отдал ему послание.

Тогда он передает, кажется, Флавио, все те документы, все карты, чтобы вернуться назад, в Гавану, но сам решает ехать дальше, и мы приезжаем в Пальпите. Он побыл там, увидел обстановку и вернулся на сахарный завод “Аустралия”, а оттуда в Гавану.»

Рассказ члена охраны Сантьяго Кастро Месы

«Я остался сторожить автомобиль, улегся на траву возле машины и заснул, а они тем временем выехали, и Чичо не мог меня найти. Мы уже четыре ночи не спали, не закрывали глаз.

В ту ночь 17-го мы доехали до Бока – входа в Лагуна-дель-Тесоро, а затем продолжили путь в Пальпите. Шоссе на Пляя-Хирон строилось, на него насыпали камни, а поверх положили асфальт, но так как дорога шла через болото, мостовая провалилась. Правая половина дороги была занята танками, артиллерией и машинами с пехотой. Оставалось половина дороги, и нам приходилось продвигаться в темноте с помощью товарищей из Повстанческой армии и милисиано, которые шли по дороге.

Когда мы подъезжали к Боке, на некотором расстоянии появился вражеский самолет, и все это превратилось в праздник с фейерверком, тысячи трассирующих пуль вылетали со всех позиций. Команданте подобрал в Боке Испанца Фернандеса и проехал до конца позиций в Пальпите, но когда мы поняли, что наша артиллерия стреляла позади нас, Команданте решил вернуться.»

До отъезда в Гавану я отправил послание Фернандесу:

«Фернандес, я решаю вопрос о боеприпасах для орудий. Другие танки придут в “Аустралия” на рассвете. Днем мы выберем подходящий момент, чтобы продвинуть их.

Аугусто останется в “Аустралия”. Мне через некоторое время придется выехать в Гавану. Буду поддерживать с вами постоянную связь. Непрерывно сообщайте мне о ходе операций.

Вперед!

Подпись: Фидель Кастро

“Аустралия”, 18 апреля 61 г.

3 часа ночи

P.S. Я еще не получал известий после той бумажки, где ты извещал, что враг уменьшает интенсивность огня».

О моем возвращении в Гавану в ту ночь я однажды рассказал историку Кинтину Пино Мачадо, и он приводит это в своей книге:

«Я знал эти места великолепно – как следопыт, из любви к природе, из партизанского духа... я знал, где могли пройти грузовики, танки, знал одну дорогу слева, которая выходила в двух километрах к западу от Пляя-Ларга. Так вот, я жду танки, чтобы начать ночью, после полуночи, около двух-трех часов, атаку по этим дорогам, которые были пустыми, чтобы выйти им в тыл на Пляя-Ларга... Я организую атаку... и в этот момент – был час ночи, половина второго, не могу сказать точно, – мне сообщают, что происходит атака к западу от Гаваны. Происходит атака

к западу от Гаваны? Это точно? Сообщение привез мне курьер на автомобиле. У меня не было связи по радио. Я посылаю проверить, подтверждено ли это; мне говорят: подтверждено. Сказали: уже был контакт с противником. Я говорю: как дико, как странно, ведь все указывает на то, что это главное нападение; быть может у них были резервные войска в Майами, и их послали на запад от Гаваны, через Пинар-дель-Рио, в Баиа-Онда... Мы сказали: хорошо, главная битва произойдет в Гаване. И я выехал оттуда. Я поручил тому, кто был в командном пункте – не Фернандесу - ...задачу осуществить эту атаку, которую я организовывал, поехал в Гавану и прибыл в Гавану на рассвете...

И когда я приезжаю... у меня в машине не было связи... Путь был длинным, больше трех часов... Когда я приезжаю в Гавану на рассвете, оказывается, что высадки не было. А товарищ, которого я оставил там, поручив ему выполнить эту миссию, не знал этих мест, и атака с танками в тыл Пляя-Ларга не была совершена, враг отходит и может сконцентрироваться в Хироне. Если бы эта операция была проведена, мы разделили бы их... Вторжение было бы ликвидировано, по моим подсчетам, за тридцать часов.

Годы спустя стало известно, что путаница была результатом отвлекающего маневра ЦРУ, которое использовало для этого очень современную и совершенную электронную аппаратуру, способную симулировать битву. На различных транспортных средствах, в числе прочего на резиновых плотках, аппараты подвели к берегу, и при помощи противопоставленных световых эффектов и соответствующих характерных шумов они сумели создать впечатление настоящей битвы; ночью 16-го наблюдалось движение судов к западу от Гаваны.

Успех маневра заключался в том, чтобы продлить бои в силу непредвиденного факта, так как по чистой случайности единственным имевшимся там офицером, знакомым с районом, был Главнокомандующий Кубинских вооруженных сил. Ведь для обороны Гаваны 90% ее сил были нетронутыми и готовыми к сражению, и не было необходимости перебрасывать туда никаких солдат из района болот.»

Из “Аустралия” через Аугусто Мартинеса Санчеса капитан Фернандес информирует, что наступление на Пляя-Ларга было остановлено и имелось неопределенное число убитых и раненых. Я отвечаю ему тем же путем:

«4.40 часов

От Аугусто Фернандесу:

Фидель получил твое послание и велит передать тебе следующие указания:

1. Чтобы ты расставил все зенитные батареи, чтобы они защищали наших людей.
2. Чтобы танки продолжали атаковать и чтобы ты снова разместил орудия (гаубицы 122 мм).
3. Чтобы ты расставил абсолютно все ПВ.
4. Что он тебе рекомендует послать войска, или из батальона 180, или из батальона 144, чтобы двинуться через Соплильяр, выйти к бухте Росарио и перерезать им шоссе. Таким образом разделить врага на две части.
5. Чтобы если это необходимо, тебе могут послать десять танков, которые должны вот-вот прийти в Ховельянос.
6. Эти десять танков мы можешь разделить на две группы: по шоссе и через Буэнавентура.
7. Чтобы если будет необходимо двигать танки днем, тебе могут прислать прочную защиту

ПВ.

8. Наконец Фидель говорит, что надо занять Пляя-Ларга безо всяких оправданий».

Рассказ Хосе Рамона Фернандеса Альвареса

«...Идея Фиделя была разделить врага. Сделать это батальоном 111, отделив части, которые находятся к северу от Сан-Блас, от тех, что в Хироне, и силами 144 изолировать те, что помещаются на участке Пляя-Ларга до Хирона, таким образом разделить их на три группы, не связанные одни с другими, чтобы быстрее их уничтожить.

Я уверен, что если бы мы этого добились, Хирон пал бы 18-го. К сожалению, это не было выполнено ни батальоном 111, ни батальоном 144, что вызвало неудовольствие Фиделя. У батальона, который я послал, исчез проводник.»

«Словом, операция не получилась, как было надо, враг, находившийся на Пляя-Ларга, сумел сбежать и, соединившись с главными силами, способствовал укреплению обороны и сильному сопротивлению, оказанному им на Пляя-Хирон.»

Продолжение в ближайшее время.

Фидель Кастро Рус

14 апреля 2011 года

22.31 часов

Размышления товарища Фиделя Кастро

Битва на Пляя-Хирон

(Часть первая)

Более чем за год до 16 апреля 1961 года, после тщательного анализа и обмена мнениями, президент Дуайт Эйзенхауэр решил уничтожить Кубинскую революцию.

Главным орудием мрачного плана была экономическая блокада Кубы, которую в политической литературе империи называют бесцветным и почти что милосердным термином «эмбарго».

В секретном меморандуме тогдашнего помощника заместителя государственного секретаря Лестера Мэллори перечислены конкретные задачи мрачного плана: «Большинство кубинцев поддерживает Кастро, - говорится в документе. - ...Не существует эффективной политической оппозиции... Единственное возможное средство, чтобы лишить [правительство] внутренней поддержки, - это вызвать разочарование и уныние посредством экономической

неудовлетворенности и нужды... Надо быстро применить все существующие средства, чтобы ослабить экономическую жизнь... отказывая Кубе в деньгах и поставках с целью снижения номинальной и реальной заработной платы, с тем чтобы вызвать голод, отчаяние и свержение правительства».

Совокупность мер, которые предстояло применить, называлась «Программа тайных действий против режима Кастро».

Любой наблюдатель, согласен он или не согласен со столь отвратительными методами, поскольку они лишены элементарной этики, признал бы, что это подразумевает намерение сломить народ. В этом случае речь шла о конфронтации между самой могущественной и богатой державой планеты и маленькой страной иного происхождения, культуры и истории.

Эйзенхауэр не был прирожденным преступником. Он казался – и быть может и был – человеком образованным и добропорядочным согласно параметрам общества, в котором он жил. Он родился в скромной семье земледельцев в Денисоне, Техас, в 1890 году. Получив религиозное воспитание и ведя дисциплинированную жизнь, он в 1911 году поступил в Военную академию Уэст-Пойнт и окончил ее в 1915 году. Он не участвует в Первой мировой войне, и ему поручают только административные задания.

Впервые он начинает командовать войсками в 1941 году, когда Соединенные Штаты еще не участвовали во Второй мировой войне. Он уже был генералом с пятью звездами, но не имел боевого опыта, когда Джордж Маршалл назначает его командующим войсками, которые высаживаются в Северной Африке.

Рузвельт в качестве президента страны, обладающей самым большим богатством и военными средствами, берет на себя назначение командующего союзными войсками, которые должны были высадиться в Европе в июне 1944 года, за четырнадцать месяцев до конца войны; на эту должность он назначил генерала Эйзенхауэра, так как Маршалл – военачальник, пользовавшийся наибольшим авторитетом, - занимал пост начальника штаба армии.

Эйзенхауэр не был блестящим военным, он совершил значительные ошибки в Северной Африке и во время самой высадки в Нормандии, где у него были серьезные соперники среди его союзников, такие как Монтгомери, и такие противники как Роммель, но это был серьезный и методичный профессионал.

Завершив эту обязательную справку, касающуюся генерала с пятью звездами Дуайта Эйзенхауэра, президента Соединенных Штатов с января 1953 до января 1961 года, я перехожу к вопросу: как возможно серьезному человеку, осмелившемуся разоблачить зловещую роль военно-промышленного комплекса, дойти до того, чтобы занять столь преступную и лицемерную позицию, как та, что привела правительство Соединенных Штатов к нападению на независимость и справедливость, к которым стремился наш народ на протяжении почти целого века?

То была капиталистическая система, преобладание привилегий богачей внутри страны и за ее пределами во вред самым элементарным правам народов. Могущественную державу никогда не тревожил голод, невежество, отсутствие работы, земли, образования, здравоохранения и самых элементарных прав у бедняков нашей страны.

В жестокой попытке подчинить наш народ правительство Соединенных Штатов бросило бы солдат своей страны на борьбу, в которой оно не смогло бы победить.

В вопросах исторического характера существует много факторов, которые трудно учесть, и немало зависит от случая. Я исхожу из имеющейся у меня информации и из опыта, пережитого в те дни, когда родилась фраза о том, что Пляя-Хирон был «первым поражением империализма в

Америке». Из этого опыта я извлек много выводов. Быть может, они заинтересуют и других.

У нас в нашей стране не было национальной армии. По окончании того, что кубинские историки называют Третьей войной за независимость – в которой испанская колониальная армия, разбитая и истощенная, едва могла сохранять контроль над крупными городами, – разоренная метрополия, находившаяся на расстоянии тысяч морских миль, не могла содержать силы, почти равные силам Соединенных Штатов во Вьетнаме в конце геноцидной войны, которую они вели в этой бывшей французской колонии.

Именно в тот момент Соединенные Штаты решают вторгнуться в нашу страну. Они обманывают собственный народ, народ Кубы и мир совместным заявлением, в котором признается, что Куба фактически и по праву должна быть свободной и независимой. Они подписывают в Париже соглашение с колониальным и мстительным правительством разбитой Испании и подкупами и обманом разоружают Освободительную армию. Позже нашей стране навязывают Поправку Платта, заставляют передать порты для использования их военно-морскими силами и предоставляют ей предположительную независимость, обусловленную конституционным положением, предоставлявшим правительству Соединенных Штатов право вторгаться на Кубу.

Наш отважный народ боролся в одиночку, как любой на этом полушарии, за свою независимость против страны, которая, как сказал Симон Боливар, была призвана потопить в бедствиях народы Америки во имя свободы.

На Кубе была армия, обученная, вооруженная и поддерживаемая Соединенными Штатами. Я не скажу, что наше поколение обладает большими заслугами, чем какое-либо из тех, что нам предшествовали, чьи лидеры и бойцы показали себя непревзойденными в своих героических сражениях. Привилегией нашего поколения стала возможность доказать, более по воле случая, чем в силу заслуг, идею Марти, что «справедливый принцип, проповедуемый из глубины пещеры, сильнее, чем армия».

Исходя из справедливых идей и победив в горьких испытаниях, начав всего лишь с семи винтовок, мы не колеблясь продолжили борьбу в горах Сьерра-Маэстра, после того как наш отряд из 82 человек из-за отсутствия опыта и в силу других неблагоприятных факторов подвергся внезапной атаке, прежде чем достиг отрогов гор. Всего за 25 месяцев наш героический народ разбил эту армию, оснащенную оружием, имеющую боевой опыт, связь, учебные центры и советников, какой Соединенные Штаты сохраняли более полувека полное господство над нашей страной и Нашей Америкой.

Применяя правильные методы борьбы, принципы уважения к населению и военную политику по отношению к противнику – оказывая помощь раненым и без единого исключения в ходе всей войны уважая жизнь пленных, – мы нанесли сокрушительное поражение военному аппарату, созданному американцами, и в конце концов захватили у него сто тысяч единиц оружия и военной техники, которыми они владели и которые они применяли против нашего народа.

Но также было необходимо разбить в идеологической сфере огромный существовавший у них арсенал и почти полную монополию на средства информации, при помощи которых они наводняли страну подслащенной ложью. Трудящиеся без работы, крестьяне без земли, эксплуатируемые рабочие, неграмотные граждане, больные без больниц, дети без книг и без школ, нескончаемый список граждан, чье достоинство было ранено и чьи права были ущемлены, значили несравнимо больше, чем богатое, привилегированное меньшинство, стоявшее на стороне империи.

Образование, наука, культура и искусство, спорт, профессии, подразумевающие развитие человека, не пользовались поддержкой в нашей стране, ограниченной монокультурой сахарного

тростника и другой экономической деятельностью, подчиненной банкам и американским транснациональным предприятиям, которыми могущественный северный сосед навязывает свою «демократию» и свои «права человека».

Я должен отметить, что такой спектакль как выступление «Кольмениты» - несколько дней назад показанный в театре «Карл Маркс», - созданный сыном одного из тех, кто был убит террористами правительства Соединенных Штатов в самолете, вылетевшем с Барбадоса 6 октября 1976 года, не имеет равных в мире. Как впечатляющий концерт пионеров, так и съезд, закрытие которого прошло в тот день, никогда не были бы возможны без образования, которое Революция дала детям, подросткам и молодым людям нашей Родины.

16 апреля 1961 года, когда был провозглашен социалистический характер Революции, прошло два года и три месяца с победы Первого января 1959 года. Наша маленькая и победоносная Повстанческая армия в своей борьбе за освобождение располагала только оружием, отнятым у тирании, которое в своем огромном большинстве было поставлено Соединенными Штатами. Было необходимо вооружить народ.

Чтобы не давать предлогов, которые могли бы стать основанием для агрессии Соединенных Штатов, как они сделали это в Гватемале, мы попытались купить, заплатив наличными, винтовки и другое оружие в европейских государствах, которые традиционно экспортировали его во многие страны.

Мы приобрели несколько десятков тысяч полуавтоматических винтовок ФАЛ калибра 7,62 с обоймами на 20 патронов и соответствующие боеприпасы, в том числе противопехотные и противотанковые гранаты, которые перевозились на обычных торговых судах, так же, как делает любая страна.

Но что случилось с этими наивными закупками «некоммунистического» оружия, которое по своему качеству казалось нам великолепным?

Первое судно прибыло на Кубу нормально, и на нем - десятки тысяч винтовок ФАЛ.

Не было ничего незаконного, не существовало предлогов для антикубинских кампаний.

Однако такая ситуация продлилась недолго. Второе судно прибыло к важному причалу столицы, портовые рабочие и бойцы Повстанческой армии начали разгружать ящики, тогда не было контейнеров. Я был на четвертом или на пятом этаже здания Института аграрной реформы, где сегодня находится Министерство Революционных вооруженных сил, возле Площади Революции; там был мой рабочий кабинет, если я не выезжал в какое-либо место города или страны. Старый Правительственный дворец был превращен в музей, а новый был еще не закончен. Это случилось 4 марта 1960 года. Сильный взрыв сотряс здание; я инстинктивно посмотрел в сторону порта, где, как я знал, разгружали французское торговое судно «Ля Кубр»: оттуда поднимался густой столб дыма, почти вертикально. Я сразу же понял, что произошло.

Я представил себе число жертв, быстро спустился, и с небольшой охраной мы сели в машины, двигаясь в сторону порта по узким улочкам с плотным движением. Я был уже очень близко, когда в том же месте раздался второй взрыв. Можно понять, какую тревогу вызвал у нас этот второй взрыв. Я представил себе, как пострадали рабочие и солдаты, которые наверняка помогали жертвам первого взрыва. С трудом я сумел подъехать к причалу и видел драматическое и героическое поведение этих людей.

Погибло около 100 человек, было много раненых, которым требовалась срочная помощь.

На следующий день мы пронесли убитых от университета по широкой 23-й улице до самого кладбища, где один год, один месяц и 11 дней спустя мы будем революционно хоронить жертв

бомбардировки, совершенной американскими самолетами с кубинскими опознавательными знаками.

5 марта в первый раз и совершенно спонтанно, во время похорон подло убитых рабочих и бойцов, я воскликнул «Родина или смерть!». То не было фразой, то было глубоким убеждением.

Предстояло провести много расследований, но в тот момент у меня не было сомнений, что речь шла о преднамеренном массовом убийстве. Диверсия на торговом судне была устроена еще в европейском порту, откуда оно вышло, и она была делом экспертов.

Я уделил должное внимание требуемым расследованиям. Мне нужно было знать, могли ли гранаты, находившиеся в ящиках, где произошел взрыв, взорваться случайно, если например какая-нибудь упадет или что-то в этом роде. Чтобы отвергнуть такую возможность – которую уже исключили специалисты после изучения механизмов безопасности гранат, – я попросил, чтобы некоторые ящики с гранатами, прибывшие на судне, сбросили с высоты тысячи метров; я следил за испытаниями, и ни одна граната не взорвалась. Были изучены все перемещения судна, и стало очевидно, что эту диверсию совершили руки экспертов – то была часть плана, утвержденного администрацией Соединенных Штатов.

Мы получили урок того, чего можно было ждать от империализма. Не колеблясь, мы обратились к Советскому Союзу, чьи принципы не противоречили нашим.

Нам были выделены соответствующие кредиты на покупку этого оружия. С тех пор как Советский Союз и другие социалистические страны, такие как Чехословацкая Социалистическая Республика, Китайская Народная Республика и Корея Народная-Демократическая Республика, начали поставлять нам оружие до сегодняшнего дня более тысячи судов привозили на Кубу вооружение и боеприпасы, и не было ни единого взрыва.

Наши собственные суда перевозили в течение десятков лет большую часть оружия для кубинских интернационалистических сил, и ни одно не взорвалось.

Речь, которую я произнес 16 апреля 1961 года на проводах жертв предательской бомбардировки на рассвете предыдущего дня, адресовалась товарищам Повстанческой армии, Революционной национальной милиции и народу Кубы. Воспроизвожу текстуально абзацы и идеи, без которых было бы невозможно понять важность и пыл битвы, данной позже:

«Во второй раз мы собираемся на том же углу. В первый раз то было после взрыва “Ля Кубр”, стоившего жизни почти сотне рабочих и солдат.»

«С установления Революционного правительства первым стремлением врагов Революции было помешать нашему народу вооружиться.»

«...После провала первых шагов дипломатического типа они прибегли к диверсии... чтобы не дать этому оружию дойти до нас ...»

«Тот зверский удар стоил жизни множеству рабочих и солдат... мы имели право думать, что виноваты в диверсии были те, кто не хотел, чтобы мы получили это оружие...»

«...У всех нас, у нашего народа осталась глубокая убежденность в том, что рука, подготовившая тот варварский преступный акт, была рукой секретных агентов правительства Соединенных Штатов.»

«...Многим в нашей стране и даже за рубежом трудно было поверить, что правительство Соединенных Штатов было бы способно дойти до такого; трудно было поверить, что руководители страны были бы способны осуществить подобное действие... мы еще не могли

приобрести жестокий опыт, который постепенно приобретали на протяжении этих двух с половиной лет; мы еще не знали хорошенько наших врагов... мы еще не знали, что такое Центральное разведывательное управление правительства Соединенных Штатов; мы еще не имели возможности день за днем удостоверяться в их преступной деятельности против нашего народа и нашей Революции.»

«...Наша страна уже испытала ряд налетов самолетов-пиратов, которые в один день сбрасывали листовки, в другой сжигали наш тростник, а затем пытались сбросить бомбу на один из наших сахарных заводов.»

«...Из-за взрыва бомбы, которую они собирались сбросить, взорвался самолет-пират с его экипажем... в том случае правительство Соединенных Штатов не могло отрицать, как оно это делало, что эти самолеты вылетели с их берегов; ...ввиду нетронутой захваченной документации... нельзя было отрицать действительность, ... они решили попросить у нас прощения и дать нам объяснение.»

«Однако полеты не прекратились... и в одном случае при одном из таких налетов на нашу страну было большое число жертв. Однако ни один из этих фактов не носил характера военной атаки...»

«Никогда не проводилось операции, обладавшие всеми чертами операции чисто военного характера.»

«...Несколько недель назад пиратское судно проникло в порт Сантьяго-де-Куба, обстреляло находящийся там нефтеперерабатывающий завод, и одновременно его выстрелы поразили нескольких солдат и моряков, размещенных у входа в бухту.»

«...Подобная операция, с судами такого характера, не могла быть осуществлена, если бы эти суда не были предоставлены американцами и оснащены американцами в каком-нибудь месте Карибского региона.»

«...Этот континент хорошо знает, что такое высадки иностранных войск. Это знали в Мексике... в Никарагуа... в Гаити... в Санто-Доминго... и все эти народы имели возможность узнать, что такое интервенции морских пехотинцев Соединенных Штатов.»

«...Чего ни один народ этого континента не имел случая узнать – это систематических действий со стороны спецслужб правительства Соединенных Штатов... чего ни одному народу этого континента не довелось узнать – это борьбы против Центрального разведывательного управления... стремящегося любой ценой, выполняя указания своего правительства... систематически уничтожать плоды работы какого-либо народа, систематически уничтожать экономические ресурсы, торговые заведения, промышленные предприятия, и что хуже всего – драгоценные жизни рабочих, крестьян и трудолюбивых и честных граждан этой страны.»

«Но при всем этом ни один из прежних фактов не приобретал, как вчерашний случай, характера типично военной агрессии. Речь не шла о полете самолета-пирата, речь не шла о вторжении пиратского судна: речь шла не более и не менее как об одновременных атаках на три разных города страны, в один и тот же час, на рассвете; речь шла об операции по всем правилам военных операций.»

Три одновременные атаки на рассвете, в один и тот же час, в городе Гавана, в Сан-Антонио-де-лос-Баньос и в Сантьяго-де-Куба... проведенные самолетами-бомбардировщиками типа В-26, сбросившими бомбы большой разрешительной силы, выпустившими ракеты и обстрелявшими из пулеметов три разных точки национальной территории. Речь шла об операции со всеми характеристиками и по всем правилам военной операции.

Кроме того, то была внезапная атака; то была атака, подобная тем, какие обычно

совершали вандальские правительства нацистов и фашистов, нападая на другие страны... Вооруженные нападения на народы Европы, совершавшиеся гитлеровскими ордами, всегда были нападениями такого рода: без предупреждения, без объявления войны, нападение вероломное, нападение предательское, нападение внезапное. И так внезапно происходили вторжения в Польшу, Бельгию, Норвегию, Францию, Голландию, Данию, Югославию и другие страны Европы.»

Я напомнил им, что сделали японские милитаристы с американской базой Пирл-Харбор в декабре 1941 года:

«...Мы на собираемся этим делать сравнения, – сказал я, – потому что когда японцы воевали с американцами, то была битва между двумя империалистическими странами, битва между двумя капиталистическими странами, битва между двумя эксплуататорскими правительствами, битва между двумя колониалистическими правительствами, битва между двумя правительствами, которые пытались завладеть рынками, сырьем и экономикой значительной части мира.»

«Мы отличаемся от Соединенных Штатов тем, что Соединенные Штаты – это страна, эксплуатирующая другие народы, Соединенные Штаты – это страна, завладевшая большой частью природных ресурсов мира и заставляющая работать на благо своей касты миллионеров десятки и десятки миллионов трудящихся во всем мире.»

«Мы, с нашей Революцией, искореняем не только эксплуатацию одной страны другой, но также эксплуатацию одних людей другими!»

«Сегодня Соединенные Штаты политически представляют собой систему эксплуатации других стран одной страной и систему эксплуатации человека другими людьми.»

Поэтому битва между Японией и Соединенными Штатами была битвой между подобными системами; битва между Соединенными Штатами и Кубой – это битва разных принципов, то есть это битва между теми, кто лишен всяких человеческих принципов, и теми, кто, как мы, защищаем человеческие принципы.»

«Однако как эти факты помогают понять! Как эти факты помогают учить нас реальностям мира! Как эти факты помогают воспитывать наш народ! Уроки обходятся дорого, они болезненны, они кровавы, но как учатся народы на этих фактах! Как учится наш народ! Как воспитывается и как растет наш народ!»

«...Недаром мы сейчас являемся одним из тех народов, которые за короткое время лучше других постигли историю мира.»

«Как трудно было знать, что происходит в мире, когда в нашу страну не поступало других сообщений, кроме американских! Сколько лжи внушали нам и жертвами скольких измышлений нас делали! Если у кого-то оставались какие-то сомнения, если кто-то из порядочных людей в этой стране – я не говорю о “гусанос”-контрреволюционерах, я говорю о мужчинах и женщинах, способных думать честно, хотя бы они и не думали, как мы, – если у кого-то оставались какие-то сомнения, если кто-то верил, что в политике американцев еще осталась хоть чуточка честности, хоть чуточка морали, хоть атом совести, или чести, или справедливости в американской политике...»

«Если кто-то в этой стране, кто имел привилегию видеть, как весь народ превращается в народ героев и в народ достойных и отважных людей; если кто-то в этой стране, чья масса заслуг, героизма и самопожертвования растет день ото дня, имел еще какие-нибудь сомнения; если те, кто не думает, как мы, верят, что они поднимают или защищают честное знамя, верят, что они поднимают или защищают справедливое знамя, и, веря в это, остаются проамериканцами и защитниками правительства Соединенных Штатов; если в нашей стране еще остался какой-

нибудь порядочный человек из тех, кто думает так, пусть эти факты послужат им... для того, чтобы у них уже не оставалось никаких сомнений.

Вчера, как все знают, самолеты-бомбардировщики, разделенные на три группы, ровно в 6.00 утра проникли из-за рубежа на национальную территорию и атаковали три пункта национальной территории; в каждом из этих пунктов люди героически защищались, в каждом из этих пунктов была пролита доблестная кровь защитников, в каждом из этих пунктов были тысячи, а если нет, то сотни и сотни свидетелей того, что там произошло. Кроме того, это было то, чего ждали; это было то, чего ждали каждый день; это было логической кульминацией поджогов плантаций, сотен нарушений нашего воздушного пространства, пиратских налетов, пиратских нападений на наши нефтеочистительные заводы с судна, проникшего на рассвете; это было следствием того, что знают все; это было следствием планов агрессии, которые строят Соединенные Штаты в сообщничестве с лакейскими правительствами Центральной Америки; это было следствием существования военно-воздушных баз, о которых знает весь народ и весь мир, потому что об этом печаталось даже самими американскими газетами и информационными агентствами, и самим информационным агентствам и газетам надоело писать об организуемых армиях наемников, о подготовленных аэродромах, о самолетах, переданных им правительством Соединенных Штатов, об американских инструкторах, о военно-воздушных базах, устроенных на территории Гватемалы.»

«Вы думаете, что мир узнал бы о нападении на Кубу, вы думаете, что мир узнал бы о случившемся, вы думаете или полагаете, что было бы возможно заглушить в мире эхо преступных бомб и ракет, вчера выпущенных на нашей родине? Что это пришло в голову кому-нибудь в мире? Что кто-то мог бы попытаться обмануть весь мир, попытаться скрыть правду от всего мира, попытаться обмануть весь мир? Так вот, вчера они не только напали на нашу землю, совершив подготовленную вероломную и преступную атаку, о которой знали все, и с американскими самолетами, с американскими бомбами, с американским оружием, и силами наемников, которым платит американское Центральное разведывательное управление; они сделали не только это и не только уничтожили национальное имущество, не только оборвали жизнь молодых людей, многим из которых еще не исполнилось и двадцати лет, но и кроме того, кроме того, правительство Соединенных Штатов попыталось вчера обмануть мир... самым циничным и бессовестным образом, какой только можно было задумать.»

«...То, что сказали миру, и во что, быть может, заставили поверить десятки и десятки миллионов человек, что опубликовали вчера тысячи и тысячи газет, что было сообщено вчера тысячами и тысячами радиостанций и телеканалов, о том, что произошло на Кубе, о том, что узнал мир или большая часть мира, значительная часть мира из сообщений американских агентств.»

«"Майами, 15 апреля, ЮПИ. Кубинские пилоты, сбежавшие из военно-воздушных сил Фиделя Кастро, приземлились сегодня во Флориде на бомбардировщиках времен Второй мировой войны после того, как взорвали кубинские военные сооружения, чтобы отомстить за предательство одного труса в их рядах. Один из бомбардировщиков В-26 кубинских военно-воздушных сил приземлился в международном аэропорту Майами с пробоинами, причиненными огнем зенитной артиллерии и пулеметов, только на одном из его двух моторов. Другой сел на военно-воздушной базе военно-морских сил в Ки-Уэст; третий сел в другой иностранной стране... По неподтвержденным слухам еще один самолет разбился и упал в море вблизи от острова Тортуга. Во всяком случае, военно-морские силы Соединенных Штатов расследуют этот случай. Пилоты, попросившие не называть их имен, вышли из своих самолетов одетые в свою летную форму и немедленно попросили убежища в Соединенных Штатах".»

«..."Директор Иммиграционной службы Майами Эдвард Аренс заявил, что их просьба рассматривается. Летчик с усами, приземлившийся в Майами, заявил сотрудникам иммиграции, что он и трое других пилотов кубинских военно-воздушных сил уже несколько месяцев планировали сбежать с Кубы Кастро. Он добавил, что по причине предательства Гало он и двое

остальных решили дать ему урок, сбросив бомбы и обстреляв из пулемета сооружения военно-воздушных баз на своем пути к свободе. Он сказал, что он нанес удар по собственной базе в Сан-Антонио-де-лос-Баньос, а другие пилоты атаковали другие базы. Этот пилот выявил готовность беседовать с журналистами, но наклонил голову и надел солнечные очки, когда фотографы попытались его сфотографировать.

Он объяснил – только послушайте, какая огромная ложь и какой абсурд, - что он и другие пилоты оставили семьи на Кубе и опасаются преследований Кастро в отношении их родственников”. То есть они утверждают, что украли самолеты, что дезертировали и что не называют своих имен, чтобы не узнали, как зовут тех, кто украл самолеты и кто дезертировал. И как они говорят, они были пилотами военно-воздушных сил.»

«Сообщения АП:

”Майами, 15. АП – это то, что они сказали миру, - Майами, 15. АП. Трое кубинских пилотов бомбардировщиков, опасаясь, что их предадут и выдадут планы сбежать от правительства Фиделя Кастро, убежали сегодня в Соединенные Штаты, после того как обстреляли из пулемета и сбросили бомбы на аэропорты Сантьяго и Гаваны.

Один из двух двухмоторных бомбардировщиков времен Второй мировой войны приземлился в международном аэропорту Майами, пилотируемый лейтенантом. Тот рассказал, как он и трое других из 12 пилотов самолетов В-26, оставшихся в кубинских военно-воздушных силах, уже несколько месяцев планировали сбежать с Кубы.

Другой самолет с двумя летчиками на борту приземлился на военно-воздушной и морской базе в Ки-Уэст. Имена пилотов хранятся в тайне. Иммиграционные власти поместили кубинцев под охрану и конфисковали самолеты”.»

«...Видите, до какой степени цинизма они дошли... до какой степени бессовестны должностные лица и руководители империализма;... они изобретают вплоть до деталей лживую легенду, в которую не поверит даже кошка, даже “кошечка Марии Рамос”. Пилот говорит – только смотрите, какую историю передают прессе, чтобы разукрасить сообщение деталями, чтобы фокус был полным, со всеми деталями, смотрите, какую историю они изобретают:

“Я один из 12 пилотов самолетов В-26, оставшийся в военно-воздушных силах Кастро после дезертирства Диаса Ланса – бывшего командира кубинских военно-воздушных сил – и последующих чисток. Трое из моих товарищей-пилотов и я в течение месяцев планировали, каким образом сбежать с Кубы Кастро. Позавчера я узнал, что один из троих, лейтенант Альваро Гало – даже имя, они берут имя одного из летчиков РВВС, приводят имя; до какой крайности цинизма и бесстыдства они дошли! – позавчера я узнал, что один из трех, лейтенант Альваро Гало, пилотирующий самолет В-26, номер РВВС-915 – этот пилот как раз находится в Сантьяго, по случайности он дислоцируется в Сантьяго, - беседовал с агентом Рамиро Вальдеса, главы Г-2. Я предупредил двух остальных, и тогда мы решили, что возможно Альваро Гало, кто всегда вел себя вроде как трус, предал нас. Тогда мы решили немедленно перейти к действию. Вчера утром меня назначили в обычный патруль, чтобы, вылетев с моей базы, Сан-Антонио-де-лос-Баньос, я облетел часть Пинар-дель-Рио и вокруг острова Пинос. Я предупредил моих друзей в Кампо-Либертад, и они согласились, что мы должны действовать. Один из них должен был лететь на Сантьяго; другой заявил в качестве предлога, что хочет проверить свой альтиметр; они должны были вылететь из Кампо-Либертад в 6.00 – в Кампо-Либертад не было ни одного самолета В-26, там были самолеты с дефектами; - я поднялся в воздух в 6.05; из-за предательства Альваро Гало мы договорились проучить его, так что я полетел обратно в Сан-Антонио, где стоял его самолет, и дважды пролетел над его самолетом, обстреляв его из пулемета и обстреляв еще три, стоявшие поблизости. Когда я удалялся, меня задело огнем из ручного оружия, и я совершил маневр, чтобы его избежать. Мои товарищи уже вылетели раньше, чтобы атаковать аэродромы, которые, как мы договорились, они будут атаковать. Затем, из-за того, что у меня было мало

топлива, мне пришлось сесть в Майами, поскольку я не мог долететь до места, о котором мы договаривались. Может быть, они полетели, чтобы перед отходом обстрелять другие аэродромы, такие как на пляже Баракоа, где Фидель держит свой вертолет”.

То есть это то, что было сказано миру. Не только ЮПИ и АП сообщают миру, что “кубинские самолеты”, “что они сбежали со своими самолетами и сбросили бомбы”, но и кроме того распространяют по миру этот рассказик, и что вы думаете, что десятки миллионов человек прочли и слышали вчера в мире, опубликованное тысячами и тысячами разных газет, сказанное по радио и телевидению? Что вы думаете, что было сказано в Европе, во многих местах Латинской Америки, во многих частях света?

Не только они утверждали подобное, но и состряпали целый рассказ, с деталями и именами, о том, как все было задумано. До такого никогда не дошли и в Голливуде.»

«”Мехико, 15. АП. Бомбардировка кубинских баз кубинскими самолетами-дезертирами была встречена здесь большей частью газет с удовольствием, газеты примкнули к группам кубинцев-эмигрантов, чтобы сказать, что бомбардировка - это начало движения за освобождение от коммунизма. Правительство хранило молчание, в то время как группы левых студентов и коммунистов поддержали заявление кубинского посла Хосе Антонио Портуондо о том, что воздушные атаки были трусливыми и отчаянными атаками империалистов. Среди кубинцев-эмигрантов наблюдалось большое оживление. Один кубинский источник прокомментировал, что новое кубинское правительство в изгнании переедет на Кубу вскоре за первой волной вторжения против кубинского режима Фиделя Кастро, чтобы создать временное правительство, которое, как ожидается, будет быстро признано многими латиноамериканскими антикастристскими странами”.»

«Оба агентства публикуют следующее сообщение:

“Заявление, сделанное доктором Миро Кардоной - это телеграммы АП и ЮПИ: - героический удар во имя кубинской свободы был сделан сегодня утром определенным числом офицеров кубинских военно-воздушных сил. Перед тем, как улететь на своих самолетах к свободе, эти подлинные революционеры попытались уничтожить как можно большее число военных самолетов Кастро. Революционный совет с гордостью объявляет, что их планы были осуществлены успешно и что совет установил с ними контакт и поддержал этих отважных пилотов. Их акция - еще один пример отчаянного опасения, что патриоты всех социальных слоев могут оказаться под пятой безжалостной тирании Кастро. В то время как Кастро и его сторонники пытаются убедить мир - только послушайте, - в то время как Кастро и его сторонники пытаются убедить мир, что Кубе грозит вторжение из-за рубежа, этот удар во имя свободы, как и предыдущие, был нанесен кубинцами, живущими на Кубе, которые решили бороться против тирании и угнетения или погибнуть при этой попытке. По причинам безопасности больше подробностей не сообщается”.

Миро Кардона был именно главой временного правительства, которого Соединенные Штаты держали наготове возле самолета с уложенными чемоданами, чтобы он приземлился на Пляя-Хирон, как только плацдарм будет обеспечен.»

«...Здесь история не кончается; теперь мы окончательно разоблачим этого комедианта, которого империализм держит там в ООН и кто выдавал себя за просвещенного человека, либерала, левых взглядов, и так далее, и тому подобное, господина Эдлая Стивенсона... Мошенничество продолжается, то есть продолжают обманывать мир: уже ЮПИ, АП распространили рассказик, тысячи газет и они сами публикуют его, главные газеты с удовольствием подхватили сообщение о дезертирстве этих пилотов.

Нагромождения лжи было еще недостаточно.»

«"Американский посол Эдлай Стивенсон отверг утверждения Роа и повторил заявление президента Джона Кеннеди о том, что ни при каких обстоятельствах, - повторяю, - ни при каких обстоятельствах не произойдет интервенции вооруженных сил Соединенных Штатов на Кубу. Стивенсон показал комиссии фотографии United Press International, где представлены два самолета, приземлившиеся сегодня во Флориде после участия в налете на три кубинских города".»

«"У него на хвосте нанесены опознавательные знаки военно-воздушных сил Кастро, - сказал он, показывая один снимок, - на нем видна звезда и кубинские обозначения, они ясно видны. Я с удовольствием покажу эту фотографию". Стивенсон добавил, что оба эти самолета пилотировались офицерами кубинских военно-воздушных сил и на них летели люди, дезертировавшие от режима Кастро. Никто из персонала Соединенных Штатов не участвовал в сегодняшнем инциденте, и самолеты не были самолетами Соединенных Штатов, - подчеркнул он, - то были самолеты самого Кастро, поднявшиеся с его собственных аэродромов.

Кубинский министр сказал, что "налеты, совершенные сегодня утром, несомненно являются прологом к попытке вторжения в крупном масштабе, организованной, оснащенной и финансируемой Вашингтоном. Правительство Кубы, - сказал Роа, - торжественно обвиняет правительство Соединенных Штатов в этой комиссии и перед мировым общественным мнением в том, что оно попыталось применить силу, чтобы уладить свои разногласия с государствами-членами".»

«Здесь у нас имеется возможность, какую мало когда имел какой-нибудь народ, узнать изнутри, и снаружи, и сбоку, и снизу, и сверху, что такое империализм... как действует весь его финансовый, пропагандистский, политический, наемный аппарат, секретные службы, должностные лица, которые с таким спокойствием, в такой неслыханной форме обманывают мир.»

«То есть они организуют атаку, готовят атаку, обучают наемников, дают им самолеты, дают им бомбы, готовят аэропорты, это знает весь мир, атака происходит, и они утверждают совершенно спокойно перед этим миром - миром, который, как они знают, будет бурно возмущаться столь чудовищным, столь трусливым нарушением... прав народов и мира!

И эти жалкие империалисты, после того как одели в траур более полудюжины семей, после того как убили горстку молодых людей, которые не были миллионерами, потому что те, кого мы пришли хоронить, - не паразиты-миллионеры, не наемники, продавшиеся за золото какого-либо иностранца, это не воры, это любимые дети нашего народа! - молодые рабочие, дети скромных семей, которые никого не обкрадывают, которые никого не эксплуатируют, которые живут не ценой чужого пота или чужого труда и которые имеют право на жизнь больше, чем миллионеры, которые имеют право на жизнь больше, чем паразиты!... Потому что они не живут чужим трудом, как американские миллионеры, не живут на иностранное золото, как наемники, "гусано", продавшиеся империализму; не живут пороком, не живут воровством; они имеют право, чтобы их жизнь уважали, и ни один жалкий миллионер-империалист не имеет право посылать самолеты, бомбы, ракеты, чтобы отнимать жизнь у этих молодых и любимых родиной людей!»

«...Те, кто согласен с подобным преступлением, те, кто согласен с подобным варварством, те, кто гнусно продается и поддерживает действия этих преступников, те, кто устраивает заговоры против родины, на улице, в церквях, в школах, где угодно, заслуживают, чтобы Революция обращалась с ними так, как они заслуживают!»

«Империализм планирует преступление, организует преступление, вооружает преступников, обучает преступников, платит преступникам, преступники являются сюда и убивают семерых сыновей рабочих, затем спокойно приземляются в Соединенных Штатах, и даже хоть весь мир знает об их деяниях, они заявляют, что они кубинские пилоты, сочиняют

хитрую и выдуманную историю, сеют ее по всему миру, публикуют во всех газетах, передают по радио и телевидению...»

«Есть ли еще какой-нибудь честный кубинец, который не понимает этого? какой-нибудь честный кубинец, который сомневается?.. Пусть они поедут туда и удостоверятся сами, есть ли хоть капля правды в том, что они сказали; пусть удостоверятся там, как реакционеры, империалисты и лицемерные священники обманывают и надувают мир, как обманывают и надувают народы, и как народам уже пора стряхнуть с себя эксплуатацию, обман и мошенничество империалистов и всех комедиантов в мире, чего бы ни стоило освободиться от этого ига!»

«...Я полагаю, что у господина президента Соединенных Штатов есть хоть атом стыда, и если у господина президента Соединенных Штатов есть хоть атом стыда, Революционное правительство Кубы бросает ему вызов перед всем миром... пусть предъявит в Организации Объединенных Наций пилотов и самолеты, которые, как он говорит, вылетели с национальной территории!»

«...Куба потребует в Организации Объединенных Наций, чтобы там были предъявлены самолеты и пилоты, которые говорят, что дезертировали из военно-воздушных сил...»

«...Почему их не предъявляют? Естественно, господин президент Соединенных Штатов имеет право, чтобы его не называли лжецом... Хочет ли господин президент Соединенных Штатов, чтобы никто не имел права назвать его лжецом? Пусть предъявит в Организации Объединенных Наций этих двух пилотов!..»

«... Если президент Соединенных Штатов не предъявит в Организации Объединенных Наций этих пилотов, чтобы доказать..., что эти пилоты были здесь и дезертировали отсюда, тогда не только кубинское Революционное правительство, но и весь мир будет иметь право назвать его лжецом!»

«...Империалистическому правительству Соединенных Штатов не останется ничего другого как признаться, что самолеты были их самолетами, что бомбы были их бомбами, что пули были их пулями, что наемники были организованы, обучены и оплачены им, что базы были в Гватемале и что они вылетели оттуда, чтобы атаковать нашу территорию, и что те, которые не были сбиты, улетели туда укрыться на берегах Соединенных Штатов, где им дали приют.»

«...Как может правительство Соединенных Штатов держаться за эту ложь?»

«...Мы живем не в эпоху дилижансов, мы живем в эпоху радио, и истины, утверждаемые одной страной, можно распространить очень далеко.»

«... Империалисты не могут простить нам, что мы здесь, они не могут простить нам достоинства, целостности, храбрости, идеологической твердости, духа самопожертвования и революционного духа народа Кубы.»

«...Они не могут простить нам... что мы совершили социалистическую Революцию...»

«И что эту социалистическую Революцию мы защищаем этими винтовками! И что эту социалистическую Революцию мы защищаем с той же отвагой, с какой вчера наши зенитчики истребили самолеты-агрессоры!»

«...Эту Революцию мы не защищаем силами наемников; эту Революцию мы защищаем силами мужчин и женщин народа.»

«...Разве оружие имеют наемники? Разве оружие имеют миллионеры? Потому что наемник

и миллионер – одно и то же. Разве оружие имеют дети богачей? Разве оружие имеют надсмотрщики? У кого в руках оружие? Чьи руки поднимают это оружие? ...Это руки богачей? Это руки эксплуататоров? Чьи руки поднимают это оружие? Разве это не руки рабочих? Разве это не руки крестьян? Разве это не руки, загрубевшие в труде? Разве это не руки создателей? Разве это не руки простых людей из народа? И кто составляет большинство народа? Миллионеры или рабочие? Эксплуататоры или эксплуатируемые? Привилегированные или обездоленные?..»

«Товарищи рабочие и крестьяне, это социалистическая и демократическая Революция бедняков, совершенная с бедняками и для бедняков. И за эту Революцию бедняков, совершенную бедняками и для бедняков, мы готовы отдать жизнь.

Рабочие и крестьяне, простые мужчины и женщины родины, клянётесь ли вы защищать до последней капли крови эту Революцию

бедняков, совершенную бедняками и для бедняков?

Товарищи рабочие и крестьяне родины, вчерашнее нападение было прелюдией агрессии наемников, вчерашняя атака, унесшая семь героических жизней, имела целью уничтожение наших самолетов на земле, но они потерпели провал, они уничтожили только три самолета, и большинство вражеских самолетов было подбито или сбито. Здесь, перед могилой павших товарищей; здесь, рядом с останками героических юношей, детей рабочих, детей простых семей, подтвердим же свою решимость в том, что, так же, как они подставили грудь под пули, так же, как они отдали свою жизнь, когда бы ни пришли наемники, все мы, гордясь нашей Революцией, гордясь тем, что защищаем эту революцию бедняков, совершенную бедняками и для бедняков, не колеблясь, против кого бы то ни было, будем защищать ее до последней капли крови.»

Финал этого выступления был несомненно пылким потоком революционных ответов и вопросов. В конце я провозгласил здравицы в честь рабочего класса, крестьян, бедняков, Социалистической революции, героев, павших за Родину, и закончил словами «Родина или смерть!», что стало обычным с тех пор, как мы хоронили погибших более года назад при взрыве на «Ля Кубр.»

Чего никто не знал, - так это того, что в то время как я говорил уже почти в темноте, незадолго до конца выступления, один товарищ из охраны приблизился ко мне и сообщил, что враг высаживается в окрестностях бухты Кабаньяс, к западу от Гаваны.

Высадка была совершенно логичной и ожидавшейся после атаки, совершенной с тем, чтобы уничтожить наши небольшие воздушные силы на рассвете предыдущего дня. Тогда я сделал то, чего никогда не делал до конца выступления. После обычной фразы «Родина или смерть!» я продолжил коротко говорить. В сущности, я давал указания бойцам.

После заключительных аплодисментов я сказал текстуально следующее: «В бой... Товарищи, споем Национальный гимн». (Присутствующие поют Национальный гимн.)

«Товарищи, все части должны направиться к месту размещения их соответствующих батальонов ввиду упорядоченной мобилизации, чтобы держать страну в состоянии готовности по причине неизбежности агрессии наемников, вытекающей из всех событий последних недель и вчерашней трусливой атаки. Направимся в Дома милисиано, сформируем батальоны и будем готовы выступить против врага, под Национальный гимн, под строфы патриотического гимна, с призывом “в бой”, с убеждением, что “умереть за родину - значит жить” и что “жить в цепях - значит жить под бременем бесчестья и позора”.

Направимся в наши соответствующие батальоны, и там ждите приказов, товарищи.»

После акта я поехал в «Пункт один» - зашифрованное название штаба Вооруженных сил, - чтобы

познакомиться с ситуацией.

Не произошло никакой высадки, то был обманный маневр, устроенный военно-морскими силами Соединенных Штатов. Была произведена оценка ситуации и даны инструкции.

Затем, около 12 часов ночи, я ушел к себе. Убеденный, что враг вот-вот начнет действовать, я решил несколько часов поспать.

Роксана Родригес, скончавшаяся несколько дней назад, супруга тогдашнего директора Плана развития Съенага-де-Сапата Абраама Масикеса, свидетельствовала, что она позвонила Селии, чтобы сообщить ей, что лейтенант Антело Фернандес – командир военной части, находившейся в Хагуэй-Гранде, - информировал ее о высадке на Пляя-Ларга, и в том месте слышалась сильная пулеметная и артиллерийская стрельба.

В записке, переданной Селией в «Пункт один», утверждается, что она связалась с сахарным заводом «Аустралыя» и убедилась, что шло нападение на Пляя-Хирон и Пляя-Ларга.

В записи на Командном пункте указано время 03.29 17 апреля 1961 года.

Просматривая мои собственные слова, сказанные в телевизионной программе «Народный университет», то есть через три дня после победы, я увидел, что указал 03.15 как час, когда получил известие. Селия действительно не теряла ни минуты в любой ситуации.

С того момента совершились события, в которые трудно поверить. Я резюмирую их, и на этой основе можно исследовать подробную и объективную историю событий, которые смог бы восстановить кто-нибудь, имея время, здоровье и достаточную энергию.

Важна суть, которую никогда нельзя исказить. Детали имеют особую значимость для самых скрупулезных историков. В этом случае мой интерес связан с желанием, чтобы у нашей молодежи был доступ к событиям, происшедшим в те решающие годы, чтобы она знала о битве, в которой их предшественники рисковали своей жизнью за Революцию и за огромное культурное богатство, которым сегодня обладает наша молодежь, кому надлежит и далее его защищать.

«Родина – это человечество!»

Как я объяснил в программе «Народный университет, «...мне и остальным товарищам сообщают, что идет сражение на Пляя-Хирон и Пляя-Ларга, где высадился враг...».

«Мы приказали проверить это, подтвердить. В таких вещах всегда надо иметь уверенность, потому что затем поступают известия, что есть суда в таком-то пункте, есть суда в другом пункте... но факт тот, что это уже идет, совершенно точно, наверняка, и что есть первые раненые в боях, поступает сообщение, что силы агрессоров ведут сильный огонь из гранатометов, из безоткатных орудий, из пулеметов 50-го калибра и из орудий на судах. Они ведут наступление на Пляя-Хирон и Пляя-Ларга в Съенага-де-Сапата. Уже не было ни малейшего сомнения, что действительно в этом пункте идет высадка и что она идет при сильной поддержке тяжелых орудий.»

«Микроволновые аппараты на Пляя-Хирон и Пляя-Ларга сообщали о результатах атаки... до того момента, когда вследствие самой атаки они перестали действовать... и с трех-четырех часов утра уже нет известий с Пляя-Ларга и Пляя-Хирон.»

«Полуостров Сапата обладает этими характеристиками: это участок земли на краю берега... земля скалистая и поросшая густыми зарослями... Но с севера этого участка земли лежит совершенно непроходимый участок болот.»

«Раньше тут не было никаких путей сообщения... единственным способом сообщения для крестьян этого района была узкоколейка.»

«В районе Съенага-де-Сапата в момент вторжения было двести учителей, обучавших население чтению и письму.»

«То был один из опытных участков кампании по ликвидации неграмотности. Все эти населенные пункты – Хагуэй-Гранде, Ковадонга, “Аустралия” - ...не имели доступа к морю, там были исключительно болота. Теперь у всех этих людей есть пляжи. Тысячи людей по воскресеньям отправляются на Пляя-Ларга и Пляя-Хирон, хотя пляжи еще не полностью обустроены.»

«...Триста крестьянских детей заболоченного района сейчас в Гаване, они изучают керамику, дубление кожи, механику, столярное дело.»

«Съенага-де-Сапата превратилась в одно из самых посещаемых и оживленных мест.»

В июле 1976 года я комментировал кинематографисту шведского телевидения Гаэтано Пагано:

«Они высадились в месте, где могли какое-то время продержаться, потому что это место было очень трудно отбить, поскольку идущие туда шоссейные дороги должны пересекать несколько километров непроходимых болот, это превращалось в некий проход Фермопилы.»

Берег Пляя-Ларга, который намеревались захватить наемники, находится на расстоянии 29 километров от небольшого сахарного завода «Аустралия». От Пляя-Ларга до Пляя-Хирон по шоссе, идущему совсем рядом с морем, 39 километров, так что всего между «Аустралия» и Пляя-Хирон 68 километров. К северу от Пляя-Хирон в 11 километрах находится Кайо-Рамона – место, не окруженное морем, это участок земли, окруженный болотом. В 14 километрах от Пляя-Хирон лежит Сан-Блас; в 30 километрах – Ковадонга; в 36 километрах к северо-востоку находится Оркита, и в 44 километрах – Ягуарамас.

В горах Сьерра-Маэстра у меня не было охраны, и я в ней не нуждался. Я продвигался с войсками, и когда я перемещался из одного пункта в другой, меня сопровождали люди, помогавшие мне в выполнении разных задач. Ответственные за оружие, за медицинскую помощь, за снабжение и транспорт выполняли свои соответствующие задачи вплоть до конца войны. Селия занималась материально-техническим обеспечением сопровождавшей меня маленькой группы и бойцов Колонны 1.

Когда пала тирания, я двигался к столице с силами Колонны 1, и танки, артиллерия и две тысячи солдат отборных войск – разбитых при контрнаступлении и наступлении повстанческих войск, о чем уже рассказано в соответствующих книгах, - примкнули к нам, мы лечили солдат, раненых в боях, и уважали пленных без единого исключения. Я вел их с собой, потому что положение в столице не было еще вполне определенным. Камило и Че получили указания быстро продвинуться по Центральному шоссе и занять соответственно военный городок «Колумбия» и крепость Ла-Кабанья. Тогда впервые у меня появилась охрана из бойцов, отобранных Раулем из сил Второго восточного фронта «Франк Паис».

Они были великолепны и сопровождали меня более двух лет, затем отправились выполнять другие важные задания Революции.

Задачи безопасности перешли к Министерству внутренних дел под руководством товарища Рамиро Вальдеса и его помощников. Рамиро был участником штурма «Монкады», экспедиции на яхте «Гранма» и сражался вместе с Че. Я никогда не возражал против кого бы то ни было из отобранных людей. Как правило, то были молодые люди из бедных крестьянских и рабочих семей, известные левыми взглядами.

Как мы знаем, в нашей стране существовал идеологический хаос, насаженный американцами, которые господствовали более благодаря лжи и невежеству, чем благодаря силе.

Новые товарищи из охраны проходили короткие курсы обучения для выполнения своих задач и обычно были смелыми и решительными, но не имели никакого боевого опыта.

Это не слишком меня беспокоило. Мне прежде всего были важны личные качества каждого из них. В числе прочего, чтобы они хорошо владели оружием и были умелыми шоферами. Всем нам предстояло многому учиться.

Расскажу вам, что буквально сказал один из них, это записано в одном его рассказе о происшедшем ночью 17 апреля, когда пришло известие о высадке:

«Я стоял на посту в коридоре напротив лестницы и помню, что ближе к рассвету на этаже началось необычное движение. Вдруг Команданте встал и начал просить, чтобы его соединили с разными командирами. Пока его соединяли, он все время ходил из стороны в сторону и говорил: “Они уже высадились, и там, где я предполагал. Но неважно: мы их разобьем!”... “Пошли!” Я подумал: теперь-то действительно всему конец, американцы высаживаются, и этот человек сошел с ума! Мы быстро выехали в “Пункт один”.»

Бьенвенидо действительно был напуган в тот день.

В «Пункте один» собрались ночью 17 апреля команданте Серхио дель Валье Хименес - начальник штаба; капитан Флавио Браво Пардо; командиры секторов обороны Гаваны: команданте Филиберто Оливера Мойя, капитан Эмилио Арагонес Наварро, капитан Османи Сьенфуэгос Горриаран, капитан Рохелио Асеведо Гонсалес, капитан Рауль Курбело Моралес, кто будет назначен командующим Революционных военно-воздушных сил, капитан Сидрок Рамос Паласьос и другие. Меня уже соединяли с разными командирами.

Должен указать, что во время битвы на Пляя-Хирон в «Пункте один» сменяли друг друга первоклассные стенографисты, с поразительной точностью записывая каждый разговор, который я вел с разными Пунктами, а также переговоры Центрального командного пункта с любыми командирами зоны операций. Здесь я привожу многие из этих сообщений, отмечающих ход битвы, с минимальными пояснениями, которые делаю только когда это необходимо. Если что-то неясно, я это дополняю; часто я убираю грубые слова и привожу их только когда они нужны, чтобы дать представление о горячности, которую мы испытывали.

ЗАПИСИ И ПРИКАЗЫ, ПОСТУПАВШИЕ С «ПУНКТА ОДИН»

«03.30 часов. Команданте Серхио Дель Валье (команданте Повстанческой армии и начальник штаба Революционных вооруженных сил) сообщает Школе руководителей милисиано Матансаса, чтобы они и грузовики были готовы выехать на операции.

03.35 ч. Команданте Фидель Кастро сообщает капитану (Повстанческой армии) Османи Сьенфуэгосу Горриарану, чтобы все батальоны его сектора были готовы и посажены на грузовики для выезда на операции.

03.36 ч. Подтверждена высадка на Пляя-Ларга. Батальону 339 милисиано – находившемуся на сахарном заводе “Аустралия”, - срочно выйти на Пляя-Ларга. Батальону милисиано Матансаса - срочно продвигаться к Ховельянос.»

Батальон 339 Сьенфуэгоса должен был дислоцироваться на Пляя-Хирон и Пляя-Ларга

согласно инструкциям, которые я лично передал заблаговременно до вражеской высадки. В рассказе, опубликованном много лет назад, 17 марта 1986 года, 24 года спустя, Абраам Масикес – директор Плана развития полуострова Сьенага-де-Сапата – утверждал: «За неделю до высадки Команданте посетил район Пляя-Хирон. Он проехал по набережной, был в аэропорту, на туристических объектах вместе с команданте Гильермо Гарсиа и другими офицерами. Он заметил, что если бы высадку совершал он, он произвел бы ее в этом районе, потому что там было два пути к отступлению и другие условия. Он дал инструкции, чтобы в аэропорту поставили четырехствольные пулеметы и пулемет 50-го калибра на крыше водяного резервуара на Пляя-Хирон. Он приказал дать милисиано тысячу чешских винтовок М-52. Дал указание команданте Хуану Альмейде перевести в этот район батальон 339 Сьенфуэгоса. Эти указания не были выполнены, потому что через несколько дней произошло вторжение».

Альмейда послал батальон. Из-за какой-то путаницы батальон имел на Пляя-Ларга один взвод. Если бы он был развернут на Пляя-Хирон и Пляя-Ларга, а не на сахарном заводе «Аустралия», соответственно в 68 и 29 километрах, последствия были бы значительными для агрессоров, которые уже плыли морем к этим пунктам.

Инструкции, которые я дал в 03.36 часов, чтобы эта часть двигалась в течение ночи для поддержки людей, оказывавших сопротивление на Пляя-Ларга, были именно теми, какие следовало сделать. Дать эти инструкции среди бела дня, когда были сброшены вражеские парашютисты, было бы неверно. Около 6.30 утра, то есть через 3 часа, враг бросил батальон парашютистов, чтобы занять подходящие пути, ведущие через болото. Естественно вражеские В-26, на которых в числе летчиков были батистовские пилоты, сбросившие на нас столько бомб в Сьерра-Маэстре, поддержали с воздуха парашютистов, спустившихся на Пальпите, куда не могли прибыть в этот час зенитные установки, которые должны были участвовать в контратаке.

Это замечание важно, чтобы понять последующие события.

«03.55 ч. Главнокомандующему РВВС (Революционных военно-воздушных сил) передают, чтобы он держал в готовности два Sea Fury и один В-26 со всем грузом. Хулио (капитан Флавио Браво Пардо).

04.06 ч. Фидель приказывает командующему РВВС приготовить самолеты, организовать две эскадрильи - два Sea Fury и один В-26.

04.45 ч. Фидель приказывает Сильве (капитан Повстанческой армии и боевой пилот Луис Альфонсо Сильва Таблада) с базы Сан-Антонио-де-лос-Баньос выполнить эту миссию. Два Sea Fury и два В-26; один реактивный самолет (реактивный самолет Т-33 американского производства) должен быть готов к вылету, чтобы защищать базу. Сильва, двум другим самолетам с ракетами и пулеметом – атаковать плацдарм на Пляя-Ларга и Пунта-Пердис... Вылететь в 05.20 часов, сначала атаковать суда и затем вернуться в Гавану и доложить. Реактивный должен быть готов к защите базы, зенитки тоже... Также есть в Пунта-Пердис (очень близко от Пляя-Хирон), но сейчас больше интересует Пляя-Ларга.»

Военно-воздушная база в Сан-Антонио-де-лос-Баньос находится на расстоянии 149 километров 600 метров от Пляя-Ларга и 176 километров 800 метров от Пляя-Хирон; это вопрос нескольких минут.

«04.48 ч. Выдвинуть другой батальон для Матансаса, важно занять все мосты в Гаване и Матансасе и оставить четыре запасных (батальона) в Кукине.

05.10 ч. Звонок Команданте Фиделя Сильве на базу Сан-Антонио-де-лос-Баньос, чтобы подтвердить предыдущий приказ, а именно: утверждают, что занят Пляя-Хирон, а не Пляя-Ларга, как сообщалось ранее, продвигаются значительные силы противника, он находится у входа в бухту Кочинос, к востоку, там есть построенный нами поселок (Хирон), также есть

аэродром и полоса. Сильва, представь себе подкову с серединой, смотрящей на север, оба края на юг; смотреть на правый южный край, более или менее там находится этот пункт – Хирон, ты должен наблюдать, есть ли самолеты в аэропорту, если есть – обстреляй их, а если нет – атаковать суда, если они в территориальных водах, первая цель – самолет, вторая – суда, наблюдай, есть ли движение грузовиков очень близко от Хирона, любой грузовик, какой ты увидишь между Пляя-Хирон и Пляя-Ларга, 2 километра, от Пляя-Хирона к Пляя-Ларга, все, что находится на этом участке, атакуй. Так что задачи следующие:

Первая задача: атаковать всеми средствами аэропорт, если там есть самолеты.

Вторая задача: атаковать суда.

Третья задача: следить, есть ли движение грузовиков очень близко от Пляя-Хирон, если да, атаковать тоже, а также персонал.

Если наблюдаются маневры судов и персонала, сначала обстрелять суда, затем людей. Заходить с юго-востока на бухту Кочинос, самолет должен вылететь в 05.20 часов» (то есть до рассвета).

«05.45 ч. Команданте Дель Валье позвонил на базу Сан-Антонио команданте Раулю Герра Бермехо, Маро (командующему Революционных военно-воздушных сил), чтобы сообщить, что туда послан министр Курбело, чтобы решать вопросы воздуха, скоординируйте оба между собой, поскольку он выше и в гражданских, и в военных вопросах.»

«В 05.50 часов 17. По приказу команданте Дель Валье оповещены Оливера и Асеведо, чтобы мобилизовать весь персонал, не используя радио, и чтобы все было готово к получению приказов. Его известили о высадке и как все идет. За лейтенанта Крабба.

Все готово в Манагуа в ожидании приказов Фиделя.»

«06.00 ч. Фидель звонит в Сан-Антонио-де-лос-Баньос, узнавая, не докладывали ли ему, что готовы три В-26. Подготовьте В-26 и реактивный с ракетами и бомбами, это когда вернутся остальные, и чтобы всегда был один для охраны базы, есть ли связь с самолетами, и в то же время чтобы нам доносили. Через двадцать пять минут они будут над целью.

06.30 ч. Фидель интересуется у РВВС относительно самолетов, готовы ли они к атаке, пусть командующий РВВС летит старшим с Sea Fury и реактивным, чтобы атаковать Пляя-Ларга, и позади один В-26, когда вернутся те, что вылетели раньше, пусть немедленно доложат и пусть готовятся и вылетают сразу же. Выполнить эти приказы немедленно.

06.33 ч. Базу Сан-Антонио информируют, чтобы сообщили нашим самолетам сначала доложить, когда будут пролетать над “Аустралией”, отдан приказ стрелять.

06.34 ч. Курбело из РВВС докладывает Фиделю, что вражеские самолеты облетают тюрьмы острова Пинос. Наши самолеты открыли огонь по судам у Пляя-Ларга. Врезать судам и берегу, Пляя-Ларга, один Sea Fury и один В-26. Товарищ Лейва летит командиром эскадрильи. Вылететь, обстрелять и вернуться.»

«В 06.35 часов. Приказ Фиделя: противотанковые батареи - к Агуада-де-Пасахерос, две батареи. Те, что вышли в Матансас, пусть следуют на Агуаду. Еще две противотанковые батареи к Матансасу.

06.40 ч. Фидель приказывает реактивному, чтобы был наготове, в воздухе самолеты, направляются к ней, также готовить зенитки, реактивный чтобы был готов, еще один самолет, чтобы защищать базу. Sea Fury пусть вылетает к цели, и реактивный держать в воздухе или на

полосе готовым к атаке, артиллерия (зенитная) в готовности, чтобы отразить агрессию вместе с самолетом.»

«В 06.46. Туда (на Пляя-Хирон) вылетела еще одна эскадрилья.

В 06.46. Остров Пинос: четыре вражеских самолета атаковали остров Пинос, их обстреливают.»

«07.20 ч. Сильва докладывает Фиделю: Что ты сделал? Открыл огонь. А судно не обстреляли? А судно не атаковали? А Sea Fury – по судну? Его потопили? А над Пляя-Хирон что ты сделал? Лодку – ты ее не потопил? Ты видел, как они плыли. Вернитесь еще раз и врежьте им, да, да. И что ему сделали? Возвращайтесь еще раз на Пляя-Хирон, атакуйте судно и потопите его, обстреляйте тех, что на Пляя-Хирон, другие пошли на Пляя-Ларга. Вы возвращайтесь на Пляя-Хирон и потопите все суда, что там есть.

07.25 ч. Команданте Дель Валье просит Курбело: Фидель спрашивает, вернулись ли Sea Fury. Слушай, скажи мне, да, да, да, скажи мне, хорошо, чтобы за этими самолетами тоже следили, остальные пусть атакуют Пляя-Хирон, и мы не можем дать этим судам уйти, очень хорошо, очень хорошо.»

«08.08 ч. Пепину Альваресу Bravo (Хосе А. Альварес Bravo, командир зенитной артиллерии). Сколько батарей у тебя осталось? А на складах? Мобилизуй шесть батарей и оставь одну дежурной, мы будем сопротивляться. Ты командуешь батареями. Нет, ты должен двигать их, чтобы поддержать артиллерию и танки. Бой идет с артиллерией и танками. Хорошо, Родина или смерть!

08.13 ч. Кто говорит? Позовите Альмейду или Анхелито. (Анхель Мартинес, бывший подполковник Испанской республиканской армии и военный советник команданте Альмейды в Центральной армии) Анхелито? Вы должны послать какие-нибудь силы через Хурагуа на Ховельянос. Пусть движутся к Ховельянос, чтобы продвигались вдоль берега. Очень хорошо! Они? Откуда? Но каким путем они могут продвигаться, каким путем? Продвинулись? Хорошо, идите сражаться с этими отдельными парашютистами, они обречены на смерть, парашютисты в Оркита обречены на смерть! Бросьте против них силы милисиано, что у вас есть».

То было первое полученное мною известие о выброске вражеских парашютистов.

«Альмейда? Продвинуть кое-какие силы через Ховельянос, чтобы сражались на берегу. Филиберто (команданте Повстанческой армии Филиберто Оливера Мойя) продвинется на Пляя-Хирон, и батальон, который ты послал с Томассевичем (команданте Повстанческой армии Рауль Менендес Томассевич, начальник штаба Центральной армии). Тогда эти люди должны наступать на Пляя-Хирон от Хурагуа. Пусть наступает одна рота, и не давать врагу убежать.»

«08.20 ч. Дель Валье (лично). Прикажи Педрито Мирету мобилизовать по меньшей мере двенадцать орудий 122 мм с персоналом из студентов в направлении сахарного завода “Аустралия”, чтобы расставлять их вдоль берега.

Надо готовить противовоздушную оборону. Два Sea Fury на противовоздушной полосе, чтобы защищать воздух от В-26. Пусть будут готовы к завтра. Эти самолеты прибывают сегодня после обеда, быстро, они должны обеспечить защиту нашим силам. Сегодня мы потопим суда, завтра собьем самолеты.»

«08.21. Че звонит Фиделю (из Пинар-дель-Рио): Как дела? Минометы какого типа, Че? Какие минометы? Этот персонал мы готовили в Баракоа, хочешь, чтобы мы тебе его послали? Хорошо, я поговорю с этими людьми, чтобы их тебе послать, и поговорю с Универсо, чтобы он послал тебе туда персонал из Пинар-дель-Рио. О-кей. Куда тебе его послать? Хорошо, это надо достать там... Я пошлю в Артемису... лучших, но это не просто, достать транспорт теперь, они с

батареи. Хорошо. Сражаются уже по-настоящему. Мы победим!

В 08.22 ч. Универсо Санчесу, чтобы послать Че персонал противотанковых батарей Пинар-дель-Рио и Торансо (капитан Повстанческой армии Марио Торансо Рикардо) послать ему минометы 120.

08.23 ч. Универсо Санчесу. У Че есть шесть батарей орудий без персонала. Я рекомендую, чтобы ты отобрал самый лучше обученный персонал Пинар-дель-Рио и послал туда... Орудия там. Они знают уже много, по меньшей мере, если не много, то хоть что-то знают.»

«08.26. Курбело – РВВС... мы собьем самолеты, но сегодня мы потопим суда. Топите суда! Топи суда, черт тебя подери, ты должен потопить суда! К черту, огонь по ним!»

Я продолжаю давать инструкции в таком темпе с 3.30 часов.

«08.42 ч. Османи (лично) Кико (капитан Повстанческой армии Энрике Гонсалес) пусть пошлет запасные снаряды для танков и запасные части для танков.

08.45 ч. (Османи) (лично) Приказ Курбело – уничтожить суда, уничтожить суда!

08.46 ч. (Османи). Давай подсчитаем. Один Филиберто, два в Ховельянос, это три, один в Матансасе, четыре. Сколько остается у нас в Гаване? (Османи докладывает, что остается тридцать четыре батальона). Я послал бы еще четыре: один в Хагуэй-Гранде. Знаешь почему? Потому что это мы будем использовать утром, для окружения. Но это неважно, пусть придут в двенадцать ночи в Хагуэй, четыре легких батальона; два легких и два тяжелых. Да, потому что мы возьмем все.

08.47 ч. Арагонесу (лично). Толстяк, в 6.00 утра чтобы все это было чисто. Я хорошо все это знаю; в 6.00 утра все должно быть чисто. Мы врежем ему ночью, и всем, что есть!

08.48 ч. Раулю Кастро (в Ориенте). Пока ты кажется не участвуешь в празднике, но ты должен быть внимательным. Что? До сих пор они высадились с юга. Я не могу приводить тебе деталей, я не должен приводить детали, но вы там будьте начеку в Сьерре и везде, однако я думаю, что их сконцентрировали здесь, слышишь? Хорошо, удачи! Пока.

08.53 ч. Команданте Дель Валье просит соединить его с команданте Курбело, Дель Валье говорит, что наша задача – сконцентрировать атаку на судах на Пляя-Ларга и Кайо(Пляя)-Хирон.

08.58 ч. Курбело. РВВС. Скажи мне, как обстоят дела? Да. Что происходит? Да. А пилот? Где это было? Да. А с вражескими судами что? Да. Не потопили ни одного? Хорошо. Надо поддерживать моральный дух. Вы сбили какой-нибудь их самолет? Хорошо, Sea Fury, сколько их у нас осталось? Скажи мне. Хорошо, надо продолжать бой. Реактивные – они уже вылетели? Здесь, что? А реактивные? Обстреляли из пулемета? Их обстреляли? А суда не ушли? Вы должны продолжать их обстреливать всем, что у вас есть! Да, надо отомстить за товарища, которого сбили! Надо отомстить за него, товарищ! Используйте реактивные, чтобы сбить их В-26! Хорошо, пули у вас будут. До свидания, товарищ.»

Был сбит отважный капитан Повстанческой армии Луис Альфонсо Сильва Таблада, боевой пилот, с которым я говорил в 4.45 утра.

В 09.09 мне удалось установить связь с сахарным заводом Ковадонга.

«Сахарному заводу Ковадонга. “Слушаю, да. Смотрите, товарищ (Гонсало Родригес Мантилья, Челе), скажите этому товарищу, что нельзя уходить оттуда. Слушаю. Хорошо, скажите мне: в Агуада-де-Пасахерос есть войска? Неважно, это бомбят наши самолеты. Наши самолеты

непрерывно бомбят врага. Хорошо, слушайте, не отходите, туда уже послано, товарищ, но они продвинулись, и это отнимает время. Они уже должны быть за Агуада. Позвоните в Агуада-де-Пасахерос, я позвоню, чтобы туда послали подкрепления. Спротивляйтесь там отважно, товарищи! Очень хорошо. Родина или смерть!».»

«09.13 ч. Дель Валье (лично). (Кто-то докладывает, что Седеньо из Министерства транспорта приказал парализовать весь транспорт) Скажи ему, что нет, чтобы он не выполнял этого приказа, пока в этом нет необходимости.»

«09.20 ч. Команданте Дель Валье докладывают из РВВС, что два вражеских В-26 преследуют наш реактивный. Уже на подмогу поднялся в воздух другой реактивный.

09.25 ч. Курбело. РВВС, Сан-Антонио. Слушай, Курбело, надо посмотреть, имеется ли реактивный самолет, чтобы прикрыть наши войска на шоссе от сахарного завода “Аустралитя” на Соплильяр. Да, у тебя есть в распоряжении реактивный? Хорошо, когда он сядет, прикажи ему и сообщи, чтобы он вылетел прикрыть наши войска, по крайней мере в течение получаса; между сахарным заводом “Аустралитя” и Соплильяр, там один В-26 очень уж мешает, чтобы реактивный прикрыл наше продвижение, посмотрим, может ли он быть там через двадцать пять минут. Я соединюсь с Фернандесом. Как только он вернется, посмотри, чтобы он поддержал. Нет, между “Аустралитя” и Соплильяр. Хорошо.

09.28 ч. Фернандесу – “Аустралитя”. Через тридцать - сорок минут там будет реактивный для прикрытия этого шоссе...»

«09.30 ч. Дель Валье (лично). Прикажи держать в гаражах все полицейские машины, сегодня вечером, чтобы послать, куда потребуется. (Дель Валье спрашивает, есть ли здесь какая-нибудь). Нет, она не нужна.»

«09.31. Курбело РВВС. Ты можешь их прикрыть? В этом направлении? Ты нас прикроешь, да? Да. Прикрыть их между “Аустралитя” и Соплильяр. Хорошо, я там предупреджу. Через какое время он будет там, двадцать минут? Очень хорошо. И два, которые преследовали Sea Fury. Очень хорошо!»

В отношении прикрытия с воздуха я возвращаюсь к тому же вопросу в 9.40 и в 9.42 часов.

«09.50 ч. (Дель Валье сообщает, что пилот Каррерас потопил судно и повредил другое, которое тонет, и поразил один В-26, который улетел с горящим крылом. Он вернулся, чтобы заправиться и продолжать атаку на полузатопленное судно.) Спроси в Матансасе, уже проходили ли там танки. Зенитная батарея, которая должна быть в Матансасе, должна сопровождать танки до Ховельянос.»

«10.00 ч. Курбело. РВВС. Курбело, Фернандес мне не сообщил. Ты должен хорошенько объяснить пилоту, что это шоссе, которое идет от сахарного завода “Аустралитя” на Пляя-Ларга, от сахарного завода “Аустралитя” на Пляя-Ларга, реактивные должны обеспечить там прикрытия, но должны долетать не до Пляя-Ларга, а до Пальпите. Когда один вернется, пусть вылетает второй, ты должен хорошенько объяснить: прикрытия этого с воздуха. Да, более или менее, нашим войскам, которые будут там продвигаться. От “Аустралитя” на Пляя-Ларга – до Кайо-Рамона? Что? Да. Хорошо, обеспечивать прикрытия шоссе, это важно, и продолжать атаку на суда. Да, всегда быть начеку, потому что завтра они попытаются нанести там удар. Обеспечивать прикрытия шоссе столько, сколько будет необходимо. Я тебя предупреджу. Хорошо, очень хорошо.»

«13.02 ч. От Фиделя Кастро команданте Раулю Кастро в Ориенте.

Слышишь, Миро Кардона настаивает, что была высадка в Ориенте. Да, ладно, неважно.

Что бы там ни произошло, вы должны применять много антитанковых, на случай, если появятся какие-нибудь танки. Пусть все антитанковые будут готовы, чтобы прибыть быстро. Мы не знаем; когда захватим первого, мы тебе сообщим. Один убитый парашютист, но не спеши, не беспокойся. Слушай, Рауль: много зениток в аэропорту... Мы снова спросим, но они должны быть на подходе. Еще одно: если завтра там что-нибудь произойдет, мы возможно пошлем тебе авиацию. Авиация действовала прекрасно... Не могу уточнить, но не надо тревожиться. Что? Да, потому что они очень настаивают, но они сбросили своих парашютистов и все здесь, постарались захватить это. Я думаю, что главное усилие они сделали здесь, на Сапата. Нельзя уточнить, но они сбросили много парашютистов, думаю, всех, что у них были. Очень внимательно там. Рауль, много танков и много зенитных орудий. Поддерживай людей зенитками. Потом тебе пришлют, но много зениток. Я узнаю о 400, когда они вышли и каким путем. Куда? Я не знаю, но узнаю. Много зениток и защищать людей, у них самолеты. Хорошо.»

Я отдал на «Пункте один» больше 50 приказов и указаний, прежде чем отправиться в район операций.

Рассказ Хосе Рамона Фернандеса

«Было примерно 02.40 часов ночи 17 апреля. Я ничего не знал о вторжение, то есть о высадке наемников, и это он мне сказал, что происходит высадка в районе Съенага-де-Сапата.»

«Он приказал мне, не теряя ни минуты, выехать в Матансас и во главе Школы руководителей милисиано, которой я тоже руководил, отправиться отражать агрессию.»

«Садись в машину и выезжай как можно скорее».

Я немного задержался с выездом, потому что искал карты района – я был в Съенаге только один раз с Команданте, никогда ни раньше, ни позже я там не проезжал, только в тот день, когда мы возвращались из Эскамбрая, – и склад с картами был закрыт... Примерно через полчаса Команданте звонит снова: “Ты еще там? Еще не выехал?” Ну, я уж не помню, сломали ли мы дверь, словом я нашел карту и немедленно выехал в Матансас. Когда он позвонил, он также сказал, чтобы я не начинал предупреждать Матансас, чтобы поднять Школу, он берет это на себя и отдаст приказ, чтобы школа была мобилизована. Действительно, когда я туда приехал, школа была уже поднята по тревоге.

Не успел я войти в это помещение – сегодня там командование Центральной армии. – на посту мне говорят: “Вам звонит Команданте”. Я пошел к телефону, снова поговорил с ним, и он повторил мне указание отправляться в Хагуэй-Гранде. Он спросил, каким путем я поеду. Я не знал хорошо тамошних дорог и, поискав на карте, увидел, как можно попасть в Хагуэй.

...Я выступил с намерением войти со стороны Колона, в конце концов вошел со стороны Перико-Аграмонте. Прибыв в Ховельянос, на дороге я увидел капитана Повстанческой армии Хосе А. Борота Гарсиа и еще двух—трех товарищей. Они делали мне знаки, чтобы я остановился, и я затормозил почти чудом. Я им сказал: “Пожалуйста, прошу вас, не задерживайте меня, у меня машина полна и я спешу”... но они говорят: “Нет, нет, дело в том, что вам звонит Команданте”. Казарма Ховельянос находится прямо там, при въезде в городок. Я подъехал туда, поднялся, снова связался с Команданте. Он дал указание направиться в административное здание сахарного завода “Аустралия” – где был телефон, который сразу соединял с “Пунктом один”, – чтобы я ехал прямо туда и, прибыв, связался с ним. Я прибыл в Хагуэй в семь с чем-то утра.»

«Тогда путь от Матансаса по Центральному шоссе занял у меня два с лишним часа – это был лучший путь в то время.»

«...Около 08.00 часов там был администратор сахарного завода. Я прошел туда и спросил:

- Где здесь телефон?

Действительно, я снял трубку, снова поговорил с Команданте, который распорядился, чтобы я не отходил далеко от телефона, хорошо прояснил ситуацию и был в курсе того, что происходит.

То был первый звонок мне от Команданте на сахарном заводе “Аустралия”, потом на протяжении всего дня не могу сказать, сколько еще раз он мне звонил, много раз.»

«Начали подходить люди... собралось сто с лишним – двести человек, они просили дать им оружие, чтобы идти сражаться.»

«Получив информацию о высадке, командир батальона 339 капитан Повстанческой армии Рамон Кордеро, который находился в своей части вблизи сахарного завода “Аустралия”, послал силы своей первой и второй роты сражаться с врагом между Пальпите и Пляя-Ларга, где бой шел в неблагоприятных условиях: противник был лучше вооружен, лучше организован, намного лучше подготовлен и занимал лучшие позиции для обороны. В этой сильной стычке с агрессорами погибло несколько милисиано, и эта часть сил батальона была практически рассеяна. Чуть позже, перед рассветом, остальные части батальона 339 также направились туда на этот раз под прямым командованием их командира батальона и сражались в очень неблагоприятных условиях.»

«Он мне сказал, чтобы я со своими людьми взял Пальпите. Я смотрел на карту и говорил ему: “Команданте, я не вижу на карте никакого Пальпите”. Тут начался долгий спор: “Я его не нахожу, тут нет Пальпите”. “Ладно, ищи Пальпите, он должен быть там”.

Оказалось, что на карте была ошибка, там стояло Паррите – вон там военные карты издания пятьдесят какого-то года, - вместо Пальпите стояло Паррите, и я продолжал искать на карте. Я ему говорю: “Смотрите, я вижу здесь пункт, который называется Паррите, он находится между таким-то и таким-то пунктом”, он отвечает: “Это он и есть, это не Паррите, а Пальпите, овладей Пальпите”.

Фидель позвонил мне снова и сказал, что на подходе батальон. То был 219-223 из района Колона под командованием капитана Роберто Бенитеса Лореса.

Этот батальон был персоналом батальонов еще не полностью сформированных и как следует организованных, но люди проявляли высокий моральный дух, хотя никто из них не практиковался в стрельбе и у каждого была только винтовка М-52 с двадцатью патронами. Я дал им задание попытаться занять селеньице Пальпите.»

В этом случае наверняка в воспоминаниях Фернандеса произошла какая-то путаница; он рассказывал это 17 апреля 1988 года, то есть через 27 лет после того события. В более чем ста стенографических записях, регистрировавших мои звонки и приказы, ни в одном, данном в тот день, я не упоминаю этого батальона из района Колона. Первая часть, которой я приказал выступить в тот день, была сила, образованная из офицеров Колонны 1 Сьерра-Маэстры под командованием Харольда Феррера, из 600 человек, вооруженных винтовками ФАЛ, ее сопровождала танковая рота, которой командовал Лопес Куба, они в ту ночь атаковали Пляя-Ларга. Я лично дал указания этим силам в Пальпите.

Школа руководителей милисиано из Матансаса с ее командиром Хосе Рамоном Фернандесом была послана сражаться против агрессоров именно потому, что она была одной из наиболее подготовленных частей, и в силу своей близости к месту, выбранному противником для высадки.

Продолжается рассказ Хосе Рамона Фернандеса:

«Там при налете вражеской авиации погибло шесть человек, и батальону пришлось отойти. (Речь идет о батальоне, пришедшем из Колона). Я приказал, чтобы они снова перешли в наступление и овладели дорогой, в особенности системой водопропускных сооружений.»

«Затем в “Аустралия” явился батальон 227, пришедший из Уньон-де-Рейес, под командованием капитана Повстанческой армии Орландо Переса Диаса. Я дал ему задание взять Пальпите, куда он пришел после Школы руководителей милисиано, так как они передвигались пешком, а персонал Школы был на автомашинах.»

Это была еще одна часть, сформированная из храбрых бойцов, таких как бойцы из Колона, они прибыли к сахарному заводу “Аустралия” без моего ведома и без ведома Центрального командного пункта. Неоспоримое доказательство патриотизма нашего народа. За исключением Школы руководителей милисиано, находившейся в Матансасе, все пехотные части, танки, зенитная и наземная артиллерия были посланы из Гаваны - поскольку в столице страны были дислоцированы самые большие и наиболее опытные силы, - чтобы сражаться со штурмовой бригадой, хорошо обученной и вооруженной Соединенными Штатами, поддержанной морскими и воздушными силами. Я считаю важными эти данные, потому что они помогают нам понять обстоятельства, в каких произошла историческая битва.

Продолжается рассказ Фернандеса:

«Примерно в 9.00 утра прибыл батальон Школы руководителей милисиано. Я не дал им спуститься с грузовиков, поднялся на крышу одной машины прямо там же, они приблизились, и я выступил перед ними. Я поставил им задачу взять Пальпите и потом послать роту и взять Соплильяр в 6-7 километрах к востоку от Пальпите, это заблокировало бы находившуюся там взлетно-посадочную полосу и позволило бы закрепить место за собой.»

«Когда пришло известие о взятии Пальпите, я позвонил Команданте, и он меня спросил:

- Ты взял Пальпите, твои люди находятся в Пальпите, ты уверен?

- Уверен, Команданте.

- Мы уже победили! – воскликнул я, по словам Фернандеса, и хотя этого не стоит в стенографических записях моих переговоров, такой вывод не был невозможным, так как плацдарм по другую сторону болота, в 25 километрах от сахарного завода “Аустралия”, был в наших руках. Я уже один раз сказал “мы уже выиграли войну”, когда нас, бойцов с “Гранмы”, оставалось очень мало и я увидел величественную, поросшую лесом гору пик Каракас высотой в 1200 метров – театр военных действий, который мы искали. Но на Пляя-Хирон правда то, что в тот день, в тот час все еще предстояло сделать.

И Фернандес завершает свой рассказ утверждением:

«Поэтому Фидель месяц спустя, в выступлении на выпуске Школы милисиано, вспоминая павших бойцов из этой школы, превращенной в боевой батальон, сказал: “... эта часть, бойцы которой не окончили ее руководителями милисиано, вышли отсюда вечными героями родины”.»

Рассказ Рауля Курбело Моралеса

«Думаю, что мой случай – случай многих других товарищей. Несмотря на то, что я ничего не знал об авиации, я занял этот пост. В решающие моменты Фидель в силу инстинкта и своего

чувства войны хотел иметь в Сан-Антонио кого-то, кто понимал бы отдаваемые им приказы. Мне повезло, что я из Сьенфуэгоса. До победы Революции я ездил верхом в Ягуарамас и знал весь этот район до Пляя-Хирон.

Это была огромная удача, потому что если бы высадка произошла в Мариеле или в Баиа-Онда - в районах, которые я не знал, - мне было бы трудно руководить боевыми действиями. Фидель знал дороги и весь район, где произошла высадка, потому что Революция проложила шоссе, насыпи, он знал все это наизусть и всякий раз, когда он называл мне какой-либо пункт, я мог ему ответить, когда он давал мне указания, чтобы авиация действовала в любом пункте из тех, что он мне называл, я это выполнял.

Фидель много раз звонил мне на командный пункт базы Сан-Антонио. Я устроился на диспетчерской вышке и там получал приказы.

Команданте Рауль Герра Бермехо - Маро - был командиром военно-воздушных сил, он был команданте, а я капитан.»

«Помню, я сказал Маро: “Я не знаю здешних условий на земле, не знаю, где находится вооружение, не знаю, как ведется подготовка самолетов к бою, так что ты занимайся землей, а я пойду на диспетчерскую вышку, чтобы руководить там наверху, передавая пилотам инструкции, которые буду получать от Главногокомандующего”.

И Маро с энтузиазмом, смелостью и безоглядной решимостью сыграл там важнейшую роль со всем персоналом тыла. У нас с Маро были очень хорошие отношения.»

«Один фактор был решающим, и он доказывает, насколько Главногокомандующий был искусен в военных вопросах.»

«Мой вариант был атаковать войска на земле. Фидель мне ответил: “Нет, надо атаковать суда. Атаковать суда!”

В тот момент я его не понял, я сумел понять его позже, когда поступил в военную школу. В борьбе против высадки с моря первое, что надо сделать, - это вывести из строя морские средства, с которых происходит высадка. Он и сделал это, словно учился в крупных военных академиях, благодаря свойственной ему интуиции, потому что во время его войны в Сьерра-Маэстре он не имел дела с судами и с подобными операциями. Быть может, эти исторические знания о важных битвах он получил из прочитанных им книг о Первой и Второй мировых войнах, о больших военных кампаниях римлян и из трудов других военных теоретиков.

Он мне повторил: “Надо потопить суда”. Тут я ему сказал: “Команданте, случайно тут рядом со мной Каррерас. Если хотите, я его позову”.

Он отвечает: “Давай мне его”. И тут он попросил Каррераса: “Потопите мне суда! Атаковать суда, Каррерас!” Это было в тот момент. Вскоре Каррерас вылетел на своем самолете, и позже мы получили известие, что он поразил ракетами сначала “Хьюстон” и потом “Рио Эскондидо”.»

Это были искренние слова Рауля Курбело.

Благодаря героизму и красоте рассказа о подвиге, совершенном этим пилотом, я должен включить в эти «Размышления» то, что рассказал генерал Энрике Каррерас Ролас издательству «Летрас Кубанас» в 1979 году, и отметить, как важно было сохранить немногие боевые самолеты, которыми мы располагали.

Рассказ генерала Энрике Каррераса Роласа

«Главкомандующий часто посещал нас на военно-воздушной базе Сан-Антонио, беседовал с техническим персоналом и летчиками.

Беседуя с нами, он говорил: “Эти старые самолеты, на которых вы летаете, нельзя сосредотачивать в одном месте, их нужно разместить таким образом, что если произойдет нападение с воздуха, враг уничтожил бы списанные аппараты. Расположите их на расстоянии друг от друга, чтобы сбить врага с толку и сохранить наши машины. Я уверен, что нас атакуют. Шевелитесь до того, как это случится”. Так и произошло.

Я дежурил в самолете, когда мне сообщили, что со мной хочет говорить Главкомандующий.

“Каррерас, на Пляя-Хирон высаживается десант. Вылетайте и прибудьте туда до рассвета. Потопите суда, на которых перевозят войска, и не дайте им уйти”.

Приказ вылетать был отдан в пять часов утра. Когда мне сказали, что речь идет о высадке, я думал, что они говорили о какой-нибудь яхте или другом более крупном судне, которое высаживало людей на берег. Я и отдаленно представить себе не мог, какое зрелище ожидает меня в заливе Кочинос и на Пляя-Хирон. В момент вылета у нас было только три действующих самолета: два Sea Fury и один плохо вооруженный В-26. Я вылетел первым как командир эскадрильи. За мной следовали Боурсак (Густаво Боурсак Мильяр) и Сильва (Луис Сильва Таблада), они подложили свинью Лагасу (чилийскому пилоту Жаку Лагасу). Через двадцать минут мы уже были над целью. Бросив первый взгляд с высоты шесть тысяч футов, я подумал, что все это сон или что перед моими глазами шел какой-то документальный фильм или фильм о Второй мировой войне. Я подумал, что вижу ремейк высадки в Нормандии, только в меньшем масштабе. Вблизи от берега Пляя-Хирон было по крайней мере семь - восемь крупных судов и неопределенное количество десантных катеров и лодок, и высадка была в полном разгаре. Я увидел, что огромное транспортное судно уже входило в залив Кочинос, за ним следовал военный фрегат – что представляет собой военно-морское подразделение, по важности следующее за destroyer.

Я самостоятельно за считанные секунды принял решение и выбрал первую цель – судно, которое направлялось к Пляя-Ларга. По радио, шифром, я дал инструкции моим товарищам и первым бросился в атаку. С высоты пять-семь тысяч футов мы пикировали на “Хьюстон” - транспортное судно типа “Либерти” водоизмещением восемь тысяч тонн, набитое войсками и военным снаряжением, оно стало нашей целью. С высоты тысяча пятьсот футов я прицелился и выпустил в него свои четыре ракеты. Со мной происходило что-то странное. Мне казалось, что я точно в тумане. Только считанные разы я вел учебную стрельбу в воздухе и не знал, что такое война.

Мы были уже обнаружены врагом, и по нам открыли просто сумасшедший противовоздушный огонь. Десятки батарей - пулеметы и орудия – изрыгали по нам огонь снизу. Это было впечатляющее зрелище - видеть пространство, освещенное трассирующими пулями и взрывом снарядов.

Могу заверить вас, что то, что мы пытались сделать, напоминало действия японских летчиков-камикадзе.

Я привел механизм в действие, чтобы выпустить ракеты, и следил взглядом, в каком направлении они летели. Признаюсь, для меня было сюрпризом увидеть, как они попали в корму “Хьюстона”. Корабль задымился, и я убедился, что его рулевой в срочном маневре направляет его к берегу, чтобы посадить на мель. Боурсак и Сильва также выпустили ракеты по “Хьюстону” и явно попали в него. Эскортирующий его военный фрегат понял, что судно пропало, так как оно

уже заполнялось водой, и начал двигаться зигзагами, развернулся и направился ко входу в залив, чтобы присоединиться к флотилии, находившейся напротив Пляя-Хирон.

Я сделал еще два круга над целью, выпустив весь запас пуль моих пулеметов. Затем вернулся на базу.

Когда я вышел с кабины, я был очень возбужден. До определенной степени все показалось мне таким легким - нажать кнопки и видеть, как корпус судна распадается, словно бумажный, - что мне хотелось всем рассказать о происшедшем. Курбело вызвал меня в Управление операциями, и я доложил о своих действиях. Позже мне рассказывали, что они почти ничего не поняли из того, что я говорил вначале, так как я путал курсы и все время сбивался. Потом я немного успокоился и смог доложить более или менее прилично.

Команданте Кастро был доволен. Первое судно мы посвятили ему.

Не знаю, сколько времени затратили на то, чтобы вновь подготовить мой самолет. Топливо, боеприпасы. Механики и ответственные за вооружение летали просто как на крыльях. По моим подсчетам, они сделали все за треть нормального времени, и я снова поднялся в воздух, на этот раз с восьмью пятьюдюймовыми ракетами. Я взял направление на Пляя-Хирон. С высоты я увидел "Хьюстон", сидевший на мели около Пляя-Ларга, он был похож на смертельно раненую большую рыбу. Напротив Пляя-Хирон я различил судно, еще большее, чем "Хьюстон". Это было "Рио Эскондидо" - как я потом узнал, одно из судов, доставивших наибольшее число персонала и снаряжения для наемников. На его борту находилась радиостанция, при помощи которой эти сволочи думали, установив ее на суше, передавать обращения к кубинскому народу. Кроме того, там были грузовики, запасные части для самолетов - они планировали создать на взлетно-посадочной полосе Пляя-Хирон воздушную базу и оттуда действовать своей авиацией, - топливо для них и много боеприпасов. "Рио Эскондидо" находилось примерно в трех морских милях южнее берега.

Ракеты моего Sea Fury вылетели в направлении огромного корабля, точно дымящиеся молнии. Есть! Они поразили его прямо по центру. Я рассказываю это дольше, чем потребовалось на то, чтобы "Рио Эскондидо" взорвалось, словно петарда, все охваченное пламенем.

Пока я наслаждался этим еще новым для меня зрелищем, я заметил, что ко мне приближается В-26. Я подумал, что это самолет Сильвы, но сразу же вспомнил, что в эти минуты у нас в воздухе не было никакого В-26. Обман был почти полным, единственное, что отличало его от наших, были синие полосы на крыльях. Если не считать этого, цвета, кубинский флаг и обозначение РВС были точно такими же, как и на наших самолетах. Я развернулся, воспользовавшись тем, что скорость моего Sea Fury была выше, чем у вражеского бомбардировщика, и занял место в его хвосте. "Ровнехонько двенадцать". (Термин из языка летчиков, определяющий положение противников в воздухе).

Несмотря на мою выгодную позицию, В-26 сумел первым открыть по мне огонь из хвостового пулемета. Я ответил длинной очередью из моего орудия 50 калибра, задев один из его моторов. Я увидел, как он начал терять высоту, задымился и стал спускаться в направлении плывущих внизу военных судов, словно в поисках защиты. В конце концов он упал в море возле одного из судов.

Не знаю, были ли то выстрелы В-26 или огонь противозенитных батарей, установленных на судах, но я понял, что у меня поврежден мотор. Sea Fury начинал хромать. Несмотря на это я сделал несколько заходов над судами, пока не закончились боеприпасы. Затем направился на базу. При посадке самолет не слушался, как надо. Едва только механики бросились к нему, они объяснили мне, что случилось. Два снаряда повредили мне один из цилиндров - достаточно серьезное повреждение.

Но все, кто там находился, знали, что гораздо опаснее летать на любом из этих самолетов, чем вступить с врагом в перестрелку.

К моему большому сожалению, я вынужден был сделать перерыв. На ремонт требовалось время, и я уже не мог больше вылететь в тот день.

Но я был ужасно доволен: на моем счету было два больших судна и один вражеский самолет.

Я подумал, что Фидель Кастро должен быть удовлетворен. Каррерас его не подвел.»

Летчики за один день вывели из строя только на «Хьюстоне» целый батальон наемников, который не мог сражаться, и нанесли большие потери наемникам на «Рио Эскондидо»; весь вражеский флот обратился в бегство. По моим подсчетам, у нас была едва ли половина боевых самолетов, какие были у противника.

Объяснение Рауля Курбело

«Каррерас атаковал суда. Сначала он вывел из строя и посадил на мель “Хьюстон”, вернулся на базу и вновь вылетел в залив Кочинос, атаковал “Рио Эскондидо” и потопил его. Это было главное судно, так как на нем везли топливо и большое количество запасных боеприпасов, что являлось чрезвычайно важным для выполнения задач, поставленных перед собой наемниками.

Я считаю, что то был ключевой момент, затем будут другие моменты, определившие разгром за семьдесят два часа, потому что было потоплено одно судно и выведено из строя другое с целым батальоном на борту, были уничтожены баркасы в момент, когда с них производили высадку, а другие суда - одним из них был “Атлантико”, - увидев один потопленный корабль и другой, вышедший из строя, отошли дальше от берега, потому что находились примерно в трех морских милях от земли.»

Рассказ Харольда Феррера Мартинеса

«Когда около 02.00 часов произошла атака на аэропорты, Главнокомандующий позвонил мне в Кохимар и задал кое-какие вопросы о людях, какие были у меня там, о вооружении и транспортных средствах; он сказал, чтобы мы были готовы к выезду, потому что возможно нам придется вступить в бой. Но деталей он не приводил.

17 апреля Селия позвонила мне в Кохимар, сообщила о высадке на Пляя-Хирон, и Команданте приказал мне быть готовым, чтобы выехать утром, дал инструкции выехать и ждать в Матансасе.

Я отправился искать транспорт.

В 1959 году Главнокомандующий собрал группу офицеров Повстанческой армии и спросил, кто из нас готов отправиться в Минас-дель-Фрио, чтобы выполнить одну миссию. В группу вошли офицеры Повстанческой армии Леопольдо Синтра Фриа - Поло, братья Сотомайор, Пардо, капитан Гаспар Камехо, Уго дель Рио и другие товарищи.

Идея была в том, чтобы иметь подготовленных товарищей для руководства тысячами солдат Повстанческой армии, обучить их и одиннадцать раз подняться на пик Туркино, чтобы подготовить новые колонны для отпора любой агрессии извне.

Так появляется колонна, которой он сам дает имя Хосе Марти. Он лично позаботился дать ей

первый транспорт и вооружение, прибывшие из Советского Союза, и определил задачи каждому солдату. Были созданы две колонны: артиллерийская под командованием Поло и пехотная под моим. Я отправился на базу "Гранма", где был проведен курс обучения, оттуда мы на несколько дней отправились в лагерь Манагуа и затем переместились в Кохимар.

То были четыре пехотные роты, одна рота минометных батарей, одна пулеметная рота и одна рота огнеметов, которая находилась в ИНРА и подчинялась нам, всего шестьсот человек. Организационно это был не батальон, а колонна, по численности она не доходила до батальона.»

«Мы базировались в Касабланке, затем нас перевели в Кохимар, где было мое постоянное местонахождение.»

«Когда произошло вторжение, он сказал нам, чтобы мы были готовы выехать и ждать в Матансасе. В этом городе он приказал нам ждать в казарме Ховельянос, куда мы прибыли в послеобеденные часы.

Там он нам приказал переместиться к Лагуна-дель-Тесоро и оттуда при поддержке артиллерии атаковать вместе с танками позиции наемников, занявших шоссе от Пальпите до Пляя-Ларга.

Фидель подробно описал характеристики заболоченного труднодоступного района, где была единственная дорога, окруженная с обеих сторон болотами и зарослями. Он предупредил нас, что миссия была трудной, но она станет исторической, потому что надо было выгнать врага с его позиций.

Колонна 1 состояла из шестисот человек, ей подчинялись две роты - гранатометная и огнеметная, входившая в ИНРА.

Пока я выслушивал приказания Фиделя, я приказал одному командиру разместить колонну вблизи от Центрального шоссе, но получилась путаница, и часть артиллерии продолжала двигаться к Колону. Я попытался предупредить их, чтобы они вернулись, и у меня не осталось иного выхода, как доложить Фиделю о происшедшем, он ответил, что сам найдет остальной персонал и направит его к месту операций.»

Я уже с вечера нахожусь в зоне операций и посылаю рукописный приказ капитану Фернандесу:

«Фернандес,

я решил отправить остальные двенадцать гаубиц и поддержать их двумя батареями многоствольных пулеметов и еще одной зенитной батареей, потому что считаю очень важным устроить адский огневой вал. Постарайся вести заградительный огонь наиболее возможным числом гаубиц.

Фидель. Сахарный завод "Аустралия". 17 апреля 1961 г.

19.00».

Рассказ Хосе Рамона Фернандеса Альвареса

«Когда Фидель находился там, оставаясь до ночи, точнее до позднего вечера, потому что ночью он уже уехал в Пальпите, прибыла зенитная артиллерия, артиллерия и танки. Фидель следовал

стратегии направить эти силы, которые легко просматривались с воздуха и у которых нет хорошей противовоздушной защиты, такие как артиллерия и танки, в Ховельянос, сосредоточить их в Ховельянос и ночью вывести их в районы боевых действий. Но позже некоторые из этих частей двигались днем, хотя общим правилом было двигать их ночью. В общем, когда уже стало темнеть, Фидель разрешил нам переместиться в Пальпите и организовать атаку на Пляя-Ларга под защитой зенитной артиллерии. Мы перебросили пять танков, четыре батареи гаубиц калибра 122 мм, две или три батареи орудий калибра 85 мм и одну батарею минометов калибра 120 мм.»

Рассказ члена охраны Бьенвенидо Переса Саласара (Чичо)

«Некоторое время он находился в “Аустралия” и затем оставил начальником операций Аугусто Мартинеса (заместителем командира был врач команданте Оскар Фернандес Мель, начальник военно-санитарной службы). Тут же машины выезжают в сторону болот, а я возвращаюсь за Сантьяго Кастро, но его нигде нет, он уснул возле машины, на траве. Я никогда не видел войны, ничего похожего, и был немного взволнован всем этим, а Сантьяго Кастро был такой спокойный, как будто и не было никакой войны. Так вот, прихожу я туда, где находится Сантьяго Кастро, и тут выходит Аугусто Мартинес и мне говорит: “Ты не можешь уезжать, ты должен быть здесь со мной, потому что я остался за командира”. Я спрашиваю его: “А вы обсудили это с Команданте?”, он отвечает: “Да, да, ты должен остаться здесь со мной”. Потому что он был один и хотел, чтобы рядом с ним просто был какой-нибудь товарищ, для поддержки.

Я остался, но беспокоился, что ведь Команданте находился в районе боев, и планировал, как бы мне все-таки уйти от Аугусто. Не потому что это Аугусто, я его глубоко уважаю, но дело в том, что я был из охраны Фиделя, а не из его охраны. Тогда возникла необходимость отправить Фиделю послание, чтобы сообщить, что произошла еще одна высадка в Баия-Онда. Была уже ночь, Аугусто искал, кто мог бы доставить сообщение туда. Тогда я сказал Аугусто: “Я могу это сделать, я знаю эту дорогу и днем, и ночью, потому что Команданте часто ездил по ней. Я эту дорогу прекрасно знаю”, я сказал ему, что могу пройти по ней с закрытыми глазами. Он не хотел меня посылать, но потом понял, что я подхожу больше всех.

Мы с Сантьяго Кастро выехали в Боку, вся дорога была полна транспорта, была уже ночь, и была настоящая трагедия добраться туда, потому что мы ехали с потушенными огнями. Мы прибыли на место, где Команданте проводил собрание с товарищами, объясняя им стратегию, планы наступления, и я отдал ему послание.

Тогда он передает, кажется, Флавио, все те документы, все карты, чтобы вернуться назад, в Гавану, но сам решает ехать дальше, и мы приезжаем в Пальпите. Он побыл там, увидел обстановку и вернулся на сахарный завод “Аустралия”, а оттуда в Гавану.»

Рассказ члена охраны Сантьяго Кастро Месы

«Я остался сторожить автомобиль, улегся на траву возле машины и заснул, а они тем временем выехали, и Чичо не мог меня найти. Мы уже четыре ночи не спали, не закрывали глаз.

В ту ночь 17-го мы доехали до Бока - входа в Лагуна-дель-Тесоро, а затем продолжили путь в Пальпите. Шоссе на Пляя-Хирон строилось, на него насыпали камни, а поверх положили асфальт, но так как дорога шла через болото, мостовая провалилась. Правая половина дороги была занята танками, артиллерией и машинами с пехотой. Оставалось половина дороги, и нам приходилось продвигаться в темноте с помощью товарищей из Повстанческой армии и милисиано, которые шли по дороге.

Когда мы подъезжали к Боке, на некотором расстоянии появился вражеский самолет, и все это превратилось в праздник с фейерверком, тысячи трассирующих пуль вылетали со всех позиций. Команданте подобрал в Боке Испанца Фернандеса и проехал до конца позиций в Пальпите, но когда мы поняли, что наша артиллерия стреляла позади нас, Команданте решил вернуться.»

До отъезда в Гавану я отправил послание Фернандесу:

«Фернандес, я решаю вопрос о боеприпасах для орудий. Другие танки придут в “Аустралия” на рассвете. Днем мы выберем подходящий момент, чтобы продвинуть их.

Аугусто останется в “Аустралия”. Мне через некоторое время придется выехать в Гавану. Буду поддерживать с вами постоянную связь. Непрерывно сообщайте мне о ходе операций.

Вперед!

Подпись: Фидель Кастро

“Аустралия”, 18 апреля 61 г.

3 часа ночи

P.S. Я еще не получал известий после той бумажки, где ты извещал, что враг уменьшает интенсивность огня».

О моем возвращении в Гавану в ту ночь я однажды рассказал историку Кинтину Пино Мачадо, и он приводит это в своей книге:

«Я знал эти места великолепно – как следопыт, из любви к природе, из партизанского духа... я знал, где могли пройти грузовики, танки, знал одну дорогу слева, которая выходила в двух километрах к западу от Пляя-Ларга. Так вот, я жду танки, чтобы начать ночью, после полуночи, около двух-трех часов, атаку по этим дорогам, которые были пустыми, чтобы выйти им в тыл на Пляя-Ларга... Я организую атаку... и в этот момент – был час ночи, половина второго, не могу сказать точно, – мне сообщают, что происходит атака к западу от Гаваны. Происходит атака к западу от Гаваны? Это точно? Сообщение привез мне курьер на автомобиле. У меня не было связи по радио. Я посылаю проверить, подтверждено ли это; мне говорят: подтверждено. Сказали: уже был контакт с противником. Я говорю: как дико, как странно, ведь все указывает на то, что это главное нападение; быть может у них были резервные войска в Майами, и их послали на запад от Гаваны, через Пинар-дель-Рио, в Баиа-Онда... Мы сказали: хорошо, главная битва произойдет в Гаване. И я выехал оттуда. Я поручил тому, кто был в командном пункте – не Фернандесу – ...задачу осуществить эту атаку, которую я организовывал, поехал в Гавану и прибыл в Гавану на рассвете...

И когда я приезжаю... у меня в машине не было связи... Путь был длинным, больше трех часов... Когда я приезжаю в Гавану на рассвете, оказывается, что высадки не было. А товарищ, которого я оставил там, поручив ему выполнить эту миссию, не знал этих мест, и атака с танками в тыл Пляя-Ларга не была совершена, враг отходит и может сконцентрироваться в Хироне. Если бы эта операция была проведена, мы разделили бы их... Вторжение было бы ликвидировано, по моим подсчетам, за тридцать часов.

Годы спустя стало известно, что путаница была результатом отвлекающего маневра ЦРУ, которое использовало для этого очень современную и совершенную электронную аппаратуру,

способную симулировать битву. На различных транспортных средствах, в числе прочего на резиновых плотках, аппараты подвели к берегу, и при помощи противопоставленных световых эффектов и соответствующих характерных шумов они сумели создать впечатление настоящей битвы; ночью 16-го наблюдалось движение судов к западу от Гаваны.

Успех маневра заключался в том, чтобы продлить бои в силу непредвиденного факта, так как по чистой случайности единственным имевшимся там офицером, знакомым с районом, был Главнокомандующий Кубинских вооруженных сил. Ведь для обороны Гаваны 90% ее сил были нетронутыми и готовыми к сражению, и не было необходимости перебрасывать туда никаких солдат из района болот.»

Из “Аустралия” через Аугусто Мартинеса Санчеса капитан Фернандес информирует, что наступление на Пляя-Ларга было остановлено и имелось неопределенное число убитых и раненых. Я отвечаю ему тем же путем:

«4.40 часов

От Аугусто Фернандесу:

Фидель получил твое послание и велит передать тебе следующие указания:

1. Чтобы ты расставил все зенитные батареи, чтобы они защищали наших людей.
2. Чтобы танки продолжали атаковать и чтобы ты снова разместил орудия (гаубицы 122 мм).
3. Чтобы ты расставил абсолютно все ПВ.
4. Что он тебе рекомендует послать войска, или из батальона 180, или из батальона 144, чтобы двинуться через Соплильяр, выйти к бухте Росарио и перерезать им шоссе. Таким образом разделить врага на две части.
5. Чтобы если это необходимо, тебе могут послать десять танков, которые должны вот-вот прийти в Ховельянос.
6. Эти десять танков мы можешь разделить на две группы: по шоссе и через Буэнавентура.
7. Чтобы если будет необходимо двигать танки днем, тебе могут прислать прочную защиту ПВ.
8. Наконец Фидель говорит, что надо занять Пляя-Ларга безо всяких оправданий».

Рассказ Хосе Рамона Фернандеса Альвареса

«...Идея Фиделя была разделить врага. Сделать это батальоном 111, отделив части, которые находятся к северу от Сан-Блас, от тех, что в Хироне, и силами 144 изолировать те, что помещаются на участке Пляя-Ларга до Хирона, таким образом разделить их на три группы, не связанные одни с другими, чтобы быстрее их уничтожить.

Я уверен, что если бы мы этого добились, Хирон пал бы 18-го. К сожалению, это не было выполнено ни батальоном 111, ни батальоном 144, что вызвало неудовольствие Фиделя. У батальона, который я послал, исчез проводник.»

«Словом, операция не получилась, как было надо, враг, находившийся на Пляя-Ларга, сумел сбежать и, соединившись с главными силами, способствовал укреплению обороны и сильному сопротивлению, оказанному им на Пляя-Хирон.»

Битва на Пляя-Хирон (Часть первая)

Published on Фидель, солдат идей (<http://www.fidelcastro.cu>)

Продолжение в ближайшее время.

Фидель Кастро Рус
14 апреля 2011 года
22.31 часов

Дата:

14/04/2011

Source URL: <http://www.fidelcastro.cu/ru/articulos/bitva-na-playa-hiron-chast-pervaya>